

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 5, № 2
2018

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 5, № 2
2018

Проблемы
постсоветского
пространства

Научный журнал

Т. 5, № 2
2018

Post-Soviet Issues

Scientific journal

Vol. 5, № 2
2018

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Евгений Петрович Бажанов**, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджей Вержбицки**, д.п.н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Виктор Александрович Глебов**, к.ю.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Давыдов**, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д.п.н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д.геогр.н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- **Андрей Вячеславович Ишин**, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к.п.н., Евроакадемия, Таллин, Эстония
- **Геннадий Владимирович Косов**, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д.ф.-м.н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к.п.н., заведующая сектором центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия
- **Рустам Мамедов**, д.ю.н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Николай Павлович Медведев**, д.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Татьяна Николаевна Мозель**, д.п.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д.п.н., Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д.п.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия

- **Лидия Александровна Пархамчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д.э.н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Андрей Иванович Суздальцев**, к.и.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д.ф.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к.и.н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Нарцисс Шукур依лева**, д.п.н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Владимир Владимирович Штоль**, д.п.н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 18 мая 2015 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61749 от 18 мая 2015 г. — печатное издание)

ISSN

2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Периодичность:

4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»

Типография:

Типография «Буки Веди», Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58

Тираж:

500 экземпляров

Сайт:

<http://www.postsovietarea.ru>

E-mail:

postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Подписано в печать:

04.06.2018

© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Davidov**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA
- **Victor A. Glebov**, PhD in Law, RUDN University, Moscow, Russia
- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.
- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia
- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Andrej G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Georgi S. Kovalev**, PhD in Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan
- **Nikolai P. Medvedev**, RUDN University, Moscow, Russia
- **Tatjana N. Mozel**, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, Russian State Social University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Semenov A.V.**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vite S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Vladimir V. Stoll**, Prof., PhD in Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

- **Andrey I. Suzdaltsev**, PhD in History, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN: 2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Publication Frequency: Quarterly

Founder: Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”

Printing house: “Buki Vedi”, Moscow, Partyinyi lane, 1, bld. 58

Number of Copies: 500

Web-site: <http://www.postsovietarea.ru>

E-mail: postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Signed for printing: 04.06.2018

© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

Редакционная коллегия	118
-----------------------------	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Проектно-инженерные вторжения на Каспий.....	124
--	-----

Игорь С. Зонн, Евгений А. Гусаров, Сергей С. Жильцов

Стратегия внешней политики Румынии. Эволюция, принципы, цели	140
--	-----

Даниела Г. Драган

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Последние изменения в каспийской энергетической стратегии Ирана в Каспийском регионе	149
---	-----

Лидия А. Пархомчик

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Языковая политика Украины как источник этнополитической дестабилизации	161
---	-----

Николай П. Медведев, Лев Н. Краснов

Межнациональное взаимодействие в контексте политических процессов постсоветской России: структурно-институциональный анализ	170
--	-----

Валентина А. Матвиенко

Политический процесс в Казахстане на современном этапе	181
--	-----

Альнур С. Сейдуманов

Роль Республики Казахстан в геополитической трансформации в рамках «Евразийского проекта»	191
--	-----

Мирлан М. Нуртазин

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Социально-исторический феномен повстанческого движения в Крыму: 1923 год	203
---	-----

Андрей В. Ишин

Contents

Editorial board	118
------------------------------	------------

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Design and Engineering Invasion into the Caspian	124
---	------------

Igor S. Zonn, Evgeniy A. Gusarov, Sergey S. Zhiltsov

Foreign policy strategy of the Romania. Evolution, principles, goals	140
---	------------

Daniela G. Dragan

ECONOMIC RELATIONS

Recent Developments in the Energy Strategy of Iran in the Caspian Region	149
---	------------

Lidiya A. Parkhomchik

POLITICS

Language Policy of Ukraine as a Source of Ethno-Political Destabilization	161
--	------------

Nikolay P. Medvedev, Lev N. Krasnov

International interaction in the context of political processes of post-Soviet Russia: structural and institutional analysis	170
---	------------

Valentina A. Matvienko

The political process in Kazakhstan at the present stage	181
---	------------

Alnur S. Seidumanov

The role of the Republic of Kazakhstan in geopolitical transformation in the framework of the «Eurasian project»	191
---	------------

Mirlan M. Nurtazin

HISTORY AND RELIGION

The Social-Historical Phenomenon of Insurgent Motion in Crimea: 1923 year	203
--	------------

Andrey V. Ishin

Проектно-инженерные вторжения на Каспий

Игорь С. Зонн^а, Евгений А. Гусаров^б, Сергей С. Жильцов^с

^аИнженерный научно-производственный центр по водному хозяйству

Мелиорации и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия,

igorzonn@yandex.ru

^бАкадемия геополитических проблем, Москва, Россия,

gusarov@mail.ru

^сДипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

sszhiltsov@mail.ru

Аннотация: Каспийское море — это межконтинентальный, международный, трансграничный бессточный водоем. Оно является терминалом крупнейших рек Волги, Урал, Терек, Кура, Сефидруд. Каспий чрезвычайно динамичен. В силу своего уникального поведения, а именно колебаний уровня, он требовал не только научного изучения этих процессов и их прогнозирования на перспективу, но и проектно-инженерных решений, поскольку от этого зависит социально-экономическое развитие его прибрежной зоны.

Как правило, особое внимание к проблемам Каспия возникало и возникает в периоды смены падения его уровня на подъем (или наоборот). Именно в периоды, когда «критическая масса» постепенно накапливающихся экологических, социально-экономических последствий различного ранга должна найти «выход». Иными словами, возникает необходимость «спасать Каспий» и в тоже время — «спасаться от Каспия».

За многие предшествующие десятилетия — до 1930 г. — вся хозяйственная деятельность в Прикаспии — нефтяные промыслы, судоходство, рыболовство, жизнь местного населения приспособилась к устойчивому уровню Каспийского моря. Понижение уровня Каспия в 1930-х годах стало первым тревожным, можно сказать, шоковым сигналом за его дальнейшую судьбу. Одновременно с этим, значительно возрос ущерб от изменения уровня Каспия.

Данная ситуация подтолкнула прибрежные страны к разработке различных проектов, которые были направлена на учет колебаний уровня Каспийского моря и одновременно, на то, чтобы не стабилизировать его уровень. Многие предлагаемые решения имели глобальный масштаб и не могли быть реализованы. К тому же разработчикам практически всех проектов были присущи не понимание, а также недооценка процессов колебания уровня Каспийского моря и вызванных этим последствий. Наконец, многие предложения, связанные с освоением прибрежных территорий, осуществляемых в рамках учета колебаний уровня Каспийского моря вели к серьезным нарушениям в экологии, которые имели негативные последствия в последующие десятилетия.

Ключевые слова: Каспийское море, нефть, газ, экология

Для цитирования: Зонн И. С., Гусаров Е. А., Жильцов С. С. Проектно-инженерные вторжения на Каспий. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(2):124-139. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-124-139>

Design and Engineering Invasion into the Caspian

Igor S. Zonn^a, Evgeniy A. Gusarov^b, Sergey S. Zhiltsov^c

*Engineering Research Production Center on Water Management,
Land Reclamation and Ecology «Sojuzvodproject», Moscow, Russia,*

igorzonn@yandex.ru

Academy of the Geopolitics problems, Moscow, Russia,

gusarov@mail.ru

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

sszhiltsov@mail.ru

Abstract: The Caspian Sea is the intercontinental, international, transboundary enclosed inland water body. It receives flows of such large rivers as Volga, Ural, Terek, Kura, and Sefidrud. The Caspian is highly dynamic. In view of its unique behavior, precisely the water level fluctuations, the research of not only these processes and their forecast, but careful study of the design and engineering solutions were required here because the results of such researches determine the social and economic development of the coastal areas.

The Caspian became the focus of attention usually at the times when the period of its level drop changed over for its rise (or vice versa). It is in these periods that the “critical mass” of the gradually accumulating environmental, social and economic consequences of any kind should find “outlet”. In other words, the need “to save the Caspian” and “to be saved from the Caspian” appeared. In the past decades, till 1930, the economic activities in the Caspian region, such as oil production, shipping, fishery, lifestyle of the local population got adapted to the existing level of the Caspian Sea. The first level drop in the Caspian in the 1930s was the first alarming and even shocking bell that stirred anxiety for its future. At the same time, the change of the Caspian level has incurred considerable damage.

This situation forced the riparian states to develop various projects aimed to take into consideration the Caspian level fluctuations and, simultaneously, to stabilize its level. Many suggested solutions were of a global scale and were not realizable. Moreover, the developers of practically all projects did not understand properly the significance of these processes, thus, inadequate assessment of their consequences. And, finally, many proposals concerning development of the riparian territories with regard to the Caspian level fluctuations could lead to serious environmental disturbances that would entail negative consequences in the following decades.

Keywords: The Caspian Sea, oil, gas, environment

For citation: Zonn I. S., Gusarov E. A., Zhiltsov S. S. Design and Engineering Invasion into the Caspian. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(2):124-139. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-124-139>

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 1930 г. научными и проектными организациями был разработан ряд компенсационных макро и мегапроектов по предотвращению падения (подача в Каспий воды из других бассейнов т. е. увеличение приходной части водного баланса) и подъема (стабилизации) уровня Каспия (уменьшение потерь каспийской воды на испарение при сокращении его площади не только естественным путем, но и искусственным, т. е. уменьшение расходной части баланса) (табл. 1) [1].

Все проекты носили не стратегический, долговременный, а сиюминутный оперативный характер, были во многом спекулятивными и не учитывали знакопеременного динамизма исторической эволюции моря [2]. При этом, недостаточное понимание и недооценка процессов колебания уровня моря и их последствий, а также временная реакция предлагаемых инженерных решений и их не реализация, (ни один из предложенных проектов не был реализован, кроме перекрытия залива Кара-Богаз-Гол), в итоге приводили к крупным стратегичес-

ским ошибкам в хозяйственном освоении Прикаспия.

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ КАСПИЯ

В списке этих проектов выделяется два мегапроекта, касающийся территориального перераспределения морского и речного стока — это переброска части вод Азовско-го и Черного морей в Каспий, и переброска части стока северных рек Европейской части России в зону Каспийского моря (южный склон СССР), к которым возвращаются в настоящее время.

Необходимость форсирования научных и практических работ по проблеме таких перебросок обусловлена несколькими причинами: прогрессирующим обмелением Каспийского моря в результате естественного уменьшения речного стока и негативного вмешательства хозяйственной деятельности; систематического увеличения водопотребления, в том числе безвозвратного, в бассейнах рек, впадающих в Каспий; прогнозами высокой вероятности нового понижения уровня Каспийского моря в конце XX и начале XXI вв. [3].

Таблица 1

Проекты по стабилизации уровня Каспийского моря [4]

Проекты по предотвращению падения уровня (1930-1980 гг.)	Проекты по предотвращению подъема уровня (1980-1990 гг.)
1. Отчленение с помощью дамб мелководных заливов моря — Кайдак, Мертвый Култук, Кендерли и др. При дамбах общей протяженностью 100 км расход воды на испарение мог бы быть сокращен на 25 км³ в год. 2. Создание Северо-Каспийского водохранилища (площадь — 76 тыс. км²) путем строительства дамбы (427 км) от г. Каспийска до полуострова Бузачи.	1. Водоотведение избыточной части объема водной массы моря в бессточные впадины. 2. Строительство подпитывающего канала Каспийское море - Аральское море (протяженность — 540 км с начальным расходом 1700 м³/с с подъемом воды тремя насосными станциями на 122 м) с целью предотвращения дальнейшего затопления прилегающих территорий Каспия и восстановления Аральского моря (падение на 16,9 м). Подача воды не менее 40 км³/год).

Проекты по предотвращению падения уровня (1930-1980 гг.)	Проекты по предотвращению подъема уровня (1980-1990 гг.)
3. Отчленение с помощью дамбы (202,6 км, площадь 50 тыс. км²) всех восточных мелководий Северного Каспия (по изобате 1,5-2 м), не представляющих рыбохозяйственной ценности. Экономия в водном балансе Каспия до 10-12 км³ в год. 4. Переброска части вод Азовского и Черного морей в Каспий через Кумо-Манычский водораздел по ранее существовавшему проливу между этими морями. 5. Перекрытие пролива, соединяющего Каспийское море с заливом Кара-Богаз-Гол (залив был перекрыт в 1980 г.).¹ 6. Переброска части стока в объеме 20 км³/год северных рек Европейской части России (Онега, Северная Двина, Печора) в бассейн Каспийского моря.	3. Строительство трубопровода с забором воды из Волги, и подача ее в Аральское море. 4. Восстановление стока Каспийского моря в залив Кара-Богаз-Гол (в 1992 г. была полностью разрушена плотина, перекрывающая залив). 5. Строительство дамб вдоль российского побережья Каспия.

¹ Возведение дамбы, отделяющей залив Кара-Богаз-Гол от моря, привело не только к ухудшению экологической обстановки, но и к значительному сокращению производства химической продукции.

Практически одновременно возник и другой подобный мегапроект, касающийся уже переброски части вод Сибирских рек, в зону Аральского моря для восстановления его уровня, падение которого началось в 1960 г. Об этих проектах истории их возникновения и эколого-политической полемики писалось много. Мы лишь вспомнили об этом, поскольку в 2002 г. бывший мэр Москвы Ю.М. Лужков обратился к Президенту РФ В.В. Путину с предложением реанимировать, указанный (он был закрыт в 1986 г.) проект (4). Периодически руководство республик Центральной Азии — Узбекистана и Казахстана выступают за возврат к осуществлению этого мегапроекта [5].

Мы напоминаем об этом, поскольку указанные советские мегапроекты, по-видимому явились базовыми для дальнейшей разработки других мегапроектов или даже супермегапроектов, но теперь уже прикаспийскими независимыми государствами.

МЕГАПРОЕКТЫ — РАЗВИТИЕ И РОСТ ГОСУДАРСТВА

Конец XX века наметил перспективы грядущего века как века глобальной цивилизации, где такие основные принципы, как гармония, равновесие и терпимость должны определять условия достижения целей устойчивого развития.

В 1977 г. один из наиболее активных лидеров японского бизнеса, председатель исследовательского фонда компании «Мицубиси» Масаки Накаджима высказал идею создания Фонда глобальной инфраструктуры (ФГИ). Концепция Фонда базировалась на философии «глобализма» - продвижение развития глобальных инфраструктур при международном сотрудничестве, посредством гигантских инвестиционных проектов, выходящих за традиционные рамки национальных государств. Выступая на открытии I международного конгресса ФГИ в Атланта, США в 1991 г. М. Накаджима сказал: «Мы очень быстро движемся в абсолютно новую эру глобального мирного строительства» ФГИ по мнению его основателей должен стать альтернативой сверхвооружению [6].

Критериями выбора мегапроектов, согласно Комитета по изучению глобальных суперпроектов Международной ассоциации инжиниринговых консультантов, является: невозможность реализации одной страной; стоимость проекта, превышающая 10 млрд. долл. США; среда влияния их должна включать несколько стран или огромную территорию; поддержка правительственными организациями; реализация проектов без изменений окружающей среды. Согласно определению Совета мирового развития США глобальные проекты — это проекты инфраструктуры или средств обслуживания, реализация которых требует, по крайней мере, 1 млрд. долл., или проекты, имеющие значительный глобальный эффект.

В последние десятилетия Каспий, став морем пяти независимых государств, привлекает к себе все больше внимания. Это произошло из-за открытия новых крупных углеводородных месторождений, решения вопросов транспортировки нефти и газа, возросшей милитаризацией, состоянием его экосистемы и изменением (временной

стабилизации) его уровня. Он становится интересен для возможности соединения его с другими морями в экономико-транспортно-логистических целях развития судоходства, взаимовыгодной торговли и туризма, и выхода на Мировой океан. Каждое из прикаспийских государств стремится использовать воды Каспия в своих целях.

Центрально-азиатские страны издавна отличало создание мегапроектов, связанных с решением, как национальных, так и международных вопросов, в областях водопользования, что связано с природно-климатическими особенностями и социально-экономическим развитием государств, которое осуществляется в обстановке высокой водохозяйственной, демографической и экологической напряженности. Стратегия дальнейшего развития этих стран направлена на максимально возможную мобилизацию дефицитных водных ресурсов и поиска, и привлечения внешних источников водных ресурсов. Тем более, что современные достижения науки и техники позволяют их решать.

С идеями мегапроектов выступили Узбекистан, Россия, Туркменистан, Казахстан, Иран. В Узбекистане, России, Казахстане и Иране эти идеи — проекты остались на бумаге и в ярких выступлениях — пожеланиях, а в Туркменистане приобрели реальное воплощение в жизнь.

Первой страной, выступавшей с супермегафутуристическим проектом стал Узбекистан. В 1995 г. узбекские ученые Института водных проблем провели поиски и исследования по проблеме долговременной устойчивости и надежности водообеспечения Центральной Азии, выдвинув идею создания Единой Азиатской водохозяйственной системы (ЕАВХС), предусматривающую соединение бассейна р. Сырдарья на севере с реками бассейна Карского моря, р. Аму-дарья на юге с бассейнами рек Аравийского

моря, которая включала межгосударственное взаимовыгодное использование части свободного паводочного стока рек, бассейна Аравийского моря, в частности стока из бассейна реки Инд. [7,8].

Предлагалось создать Аравийско-Аральский воднотранспортный тракт (ААВТТ) (рис. 1). Местом водозбора определено низовья р. Инд ниже гидропоста Суккур (Пакистан). Водоподъем на Иранское нагорье намечается на территории Пакистана в Белуджистане с помощью каскада крупных насосных станций для подачи воды на высоту 750 м.

Рис. 1.

После машинного водоподъема создается первый терминал для обработки грузовых судов. За первым терминалом длина самотечного канала до р. Герируд (Афганистан) составляет 1700 км. Глубина канала 8-10 м. Ширина по дну 80-100 м по урезу воды 120-130 м. Здесь же предусматривается водозбор в Пакистанский национальный канал с каскадом гидроэ-

лектростанций, компенсирующих затраты электроэнергии на машинном водоподъеме, и буферным водохранилищем. ААВТТ предусматривается судоходным до второго терминала, расположенного у г. Кушка на границе Туркменистана. Пропускная способность канала условно принята как 60 млн. т в год.

Для орошения и освоения засушливых территорий в Иране — Белуджистан, Систан и Хорасан, а также Гилгит-Аргандабской долины в Афганистане, предусматриваются национальные каналы с гидроэлектростанциями и буферными водохранилищами. По трассе ААВТТ у границ Афганистана и Ирана возможна подпитка рек Атрек и Теджен. Сопряжение Иранского нагорья с Туранской низменностью намечается осуществить по р. Мургаб с созданием каскада гидроэлектростанций. Часть объема воды ААВТТ из нижнего бьефа последней электростанции направляется в зону г. Керки для пополнения стока р. Амударья и переброски в действующий Каршинский магистральный канал.

Вполне возможно направление трассы ААВТТ в район г. Термез для пополнения стока р. Амударья с попутной подпиткой р. Мургаб. Объем переброски 30-35 км³ в год. Энергоемкость и машинный водоподъем на высоту около 700 м.

Общая протяженность канала составит 2665 км, из них на территорию Пакистана приходится 1280 км, Ирана — 464 км, Афганистана — 464 км, Туркменистана — 457 км (протяженность канала по переброске вод реки Обь в Центральную Азию — бассейны рек Сырдарья и Амударья 2550 км).

Стоимость строительства 30 млрд. долл. (в ценах 1990-х годов), срок строительства 25-30 лет. Среднегодовые затраты могут составлять 1,0-1,2 млрд. долл. [8].

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Еще более глобальный супермегапроект предложен доктором экономических наук Д. И. Рыскуловым, выступившим в 2008 г. в Ташкенте с докладом «Трансазийский коридор развития» (ТРАЗКОР). Он предложил «создание меридионального геостратегического транспортного хребта на Евразийском неэкономическом пространстве (геоэкономического якоря Евразии)» иными словами гигантской комплексной транспортной магистрали в виде судоходного канала, скоростной автомагистрали и железной дороги, соединяющей полуостров Ямал через Каспийское море до Персидского залива или если коротко «Арктика — Персидский залив» (рис. 2).

Рис. 2.

Проект задуман как «плетение глобальной транзитной сети» для «улова» выгод и преимуществ системного сплочения геотерий транспортными сетями» [9]. Он опирается на уникальный опыт Великого Шелкового пути. Дорожная карта ТРАЗКОР включает судоходный канал «Азия», соединяющий Карское, Каспийское и Аравийское моря. Трасса канала согласно проекта видится следующим образом: порт Игарка — Карское море — Обская губа —

Тургайское понижение — пересечение Сырдарьи западнее г. Джусалы — пересечение реки Амударья в районе Тахияташа — затем по Узбою к порту Туркменбаши (бывший Красноводск) на Каспийском море.

Отсюда водный путь продолжится по Каспию на юг до иранского порта Энзели, а затем по каналу (подобному «Каспий — Персидский залив») через Хорремшехр или по пустыне Деште-Кевир до Персидского залива (порт Бендер-Аббас). Общая протяженность водного пути от Карского моря до Бенедер-Аббаса составит около 6000 км. Расчетная глубина канала «Азия» - 15 м, ширина — свыше 100 м, потери воды на фильтрацию и испарение, по подсчетам, не должны превысить 7%.

Две другие составляющих ТРАЗКОР — скоростная автомагистраль Салехард-Курган-Аркалык-Кзыл-Орда (с ответвлениями на Ташкент, на Китай через Кыргызстан, а также на Афганистан через Кабул или Чабакхар и далее на Пакистан) — Дашогуз (с ответвлением на Серахс, далее через Иран к Персидскому заливу) — порт Туркменбаши. И скоростная железная дорога Салехард-Курган-Аркалык-Кзыл-Орда-Дашогуз (с ответвлением на Серахс и Туркменбаши). По обеим сторонам ТРАЗКОР планируется создать лесозащитные полосы протяженностью 4000 км. Стоимость строительства водного пути Карское море - Персидский залив (включая канал «Евразия»), железной дороги и автомагистрали, а также сопутствующих объектов, оценивается в 100-150 млрд. долл. Период строительства коридоробразующего комплекса — 15 лет, ожидаемая среднегодовая прибыль — 7-10 млрд. долл. Окупаемость ТРАЗКОР следует ожидать через 20-25 лет после начала строительства.

В одной из статей, посвященных ТРАЗКОР, мы наткнулись на фразу — «в истории человечества пока не замыслилось ничего более масштабного». Это не совсем так,

поскольку «замышлялось и предлагалось» гораздо раньше. В конце 1980-х годов был предложен проект строительства гигантского Трансхвельского судоходного канала, протяженностью 6000 км (см. ТРАЗКОР), который должен пересечь весь Африканский Савель от Нуакшоты (Мавритания) до залива Салум на Ливийско-Египетской границе. Ширина канала 100 м, глубина 35 м. При этом канал будет проходить в основном по равнинной местности [10].

Что касается создания лесополос, протяженностью 4000 км, то в Китае создается «Великая зеленая стена» по ограждению пустыни Гоби, которая должна растянуться на 4500 км (создание ее планируется завершить к 2050 г.). Можно вспомнить также «Сталинский план преобразования природы» 1948 г., согласно которого должны были созданы лесополосы суммарной протяженностью 5320 км.

Параллельно с каналом «Азия» проектом предусмотрено строительство канала «Евразия», соединяющего Каспийское море с Черным морем (через Азовское море). Таким образом, ТРАЗКОР явится неким «пазлом», собранным из трех самостоятельных проектов канала «Азия», канала «Евразия» и канала «Каспийское море — Персидский залив». И все три проекта используют Каспийское море и Каспийский регион в качестве ключевого геоэкономического центра компасного коридора развития — север-юг, восток-запад.

На восточном Туркменском побережье Каспия идет осуществление грандиозного гидротехнического проекта создание Туркменского озера «Алтын Асыр», - («Золотой Век») за счет организованного отвода коллекторно-дренажных вод (КДВ), образующихся в результате ведения орошаемого земледелия в естественную впадину Кара-шор с отметкой — 28 м, что примерно соответствует современному положению уровня Каспийского моря. Впадина расположена к

востоку от залива Кара-Богаз-Гол. Длина 120 км, ширина 20 км, площадь 2000 км². В 2009 г. началось заполнение впадины КДВ.

При использовании водных ресурсов реки Амударьи для орошения на орошаемых землях формируются около 6 км³/год КДВ, а с учетом КВД, образующихся на территории сопредельного Узбекистана, расположенного на правом берегу реки Амударьи их общий объем может превышать 10 км³/год. Часть этих вод сбрасывалась в Амударью, что снижало качество ее воды, увеличивая минерализацию с 0,9 до 1,5 г/л, а другая часть отводилась в понижения пустыни Каракум, где они засоляли и затопляли пастбищные земли, сокращая их площади и продуктивность, и еще одна часть сбрасывалась в Сарыкамышский бессточный водоем.

По проекту, который реализуется с 2000 г. Туркменское озеро примет дренажные воды по двум системам коллекторно-дренажных трактов — Дашогузской ветке — вводу (северная) и Транстуркменскому (Главному) коллектору (южная). В последние годы общая протяженность магистральных и подводящих коллекторов составила 2654 км. Длина озера «Алтын Асыр» по его заполнению составит 103 км, ширина — 18,6 км, средняя глубина — 69 м, площадь — около 1915,8 км², объем — 132 км³. Предполагается ежегодно отводить в него до 10 км³ КДВ, однако на сегодня этот отвод составляет 1-2 км³.

Создание озера позволит решить ряд экологических и хозяйственных проблем страны, улучшить мелиоративное состояние сельскохозяйственных земель, улучшить водообеспеченность 1,5 млн. га пустынных пастбищных земель, прекратить сброс дренажных вод в Амударью, развить рыболовство, организовать объекты рекреации и экологического туризма, в

целом повысить экологическую безопасность населения.

Этот проект стоимостью около 4 млрд. долл. является одним из крупнейших в мире в области мелиоративного освоения пустынных земель [11].

КАСПИЙСКИЕ МЕГАПРОЕКТЫ

Разобравшись с сушей, инженерная мысль обратила свой взор на Каспийское море с новых позиций. Напомним, что советский писатель-фантаст И. Абадашев еще в 1959 г. описал, как часть широтного транспортного коридора мегапроект — строительство железнодорожного тоннеля под дном Каспийского моря для соединения концевых тупиков азиатских и европейских железных дорог Красноводска (ныне Туркменбаши) и Баку по мелководной донной полосе с наибольшей глубиной 150 м. Трасса тоннеля должна пройти под этим мелководьем (рис. 3) [12].

Рис. 3. Возможная трасса тоннеля под Каспийским морем

Некоторые ученые считают, что по запасам углеводородов Каспий — это второй Персидский залив. Инженеры прикаспийских стран видя, как нефтедобывающие страны Персидского залива стали осваивать его акваторию с целью создания искусственных островов для развития рек-

реационного территориального бизнеса, решают перенять этот опыт, внедрив его на берегах Каспия. Азербайджан, имея опыт строительства «стальных» островов для бурения на Каспии — Нефтяные Камни, первым планирует осуществить мегапроект — строительство города в море «Каспийские острова» (Hazar Islands). Проект подобен проекту создания искусственных островов в Эмирате Дубай, но большого масштаба. Город рассчитан на 1 млн. жителей. Судя по опубликованным картинкам — эскизам будущий город — это смесь нового Шанхая, делового центра Москвы-сити и отдельных кусков Гонконга или Сингапура.

Город раскинется в Каспийском море в 4-8 км от берега в 23 км к юго-западу от Баку. Площадь его составит 30 тыс. км². Две трети этой площади — жилые строения, остальную часть займет бизнес-центры, торговые и развлекательные объекты, парки, самый длинный в мире бульвар протяженностью 150 км, окружающий бульваром со всех сторон город, рестораны, яхт-клуб, ипподром, площадки для гольфа и тенниса, и даже трассы для проведения автогонок в классе «Формула 1». Жилые дома будут достигать 25 этажей, еще выше будут отели. В планах строительства возведение в течение 7-8 лет самого высотного здания в мире — 185-(189)-этажный отель под названием «Башня Азербайджана» высотой около 900 м - 1050 м, что на 50 м выше самого высокого в мире 162-этажного отеля «Бурдж Халифа» в Дубае (рис. 4). Дороги в городе без пересечений, что не потребует светофоров. Водоснабжение будет осуществляться за счет опреснения морской воды, а электроэнергия — за счет солнечной энергии. Стоимость проекта оценивается более 125 млрд. долл. При этом основной капитал — это частные инвестиции. Срок реализации проекта в несколько этапов за 25 лет.

Рис. 4.

Все это красиво выглядит на бумаге. Столь амбициозный проект сложно поднять одной стране. Следует отметить, что уже несколько лет Республика осуществляет довольно скромный проект строительства курортно-развлекательной зоны на острове Бёюк-Зирия, недалеко от Бакинской бухты стоимостью 5-6 млрд. долл.

Казахстан, как одна из прикаспийских стран активно участвует в рождении новых крупномасштабных проектов, связанных с Каспийским морем.

Первым таким проектом стало — предложение о строительстве судоходного канала «Евразия», который должен соединять Каспийское с Черным морем. Впервые идея его создания была озвучена в июне 2007 г. на Петербургском экономическом форуме Президентом Казахстана Н. Назарбаевым. По словам президента «этот канал станет мощным коридором выхода к морям всей Центральной Азии через Россию» [5].

По замыслу казахских проектировщиков - инициаторов, предлагающих ряд решений по выбору трассы, канал должен соединять западный и восточный берега Кумо — Манычского перешейка, преодолев перепад высот около 54 м. Это потребует строительства от 6 до 8 судоходных шлюзов. Ориентировочные параметры крупных камер шлюзов могут составить 300x30x18 м, что в 6,2 раза больше камер шлюзов

Волго-Донского судоходного канала. Канал предусматривает прохождение судов класса «река-море» дедвейтом 8-10 тыс. т. Общая протяженность трассы канала при разных вариантах составит от 700 до 900 км. в зависимости от места выхода и входа на Каспийском море (глубина 6,5 м) — 70-80 км. и на Таганрогский залив Азовского моря — 80-90 км.

Предложение по каналу было рассчитано в основном на транспортировку нефти и нефтепродуктов с месторождений Казахстана и других прикаспийских стран. Однако, за время, которое прошло с озвученного предложения Н. Назарбаева о строительстве канала «Евразия» прошло более 10 лет и за это время полностью диверсифицирована их поставка путем создания разветвленной системы нефтепроводов, а других грузопотоков в объемах, обеспечивающих загрузку пропускной способности канала не просматривается.

Существующие объемы других грузов до 500 тыс. т в навигацию перевозятся по Волго-Донскому каналу. При этом следует напомнить о поручении Правительству Российской Федерации в ежегодном послании Президента РФ В.В. Путина в 2007 г. «проработать вопрос о создании международного консорциума по строительству второй линии Волго-Донского канала. Это новая транспортная артерия позволит кардинальным образом улучшить судоходное сообщение между Каспийским и Черным морями» [5].

В 2009 г. Евразийский банк развития выделил 2,7 млн. долл. на исследования параметров возможных вариантов каналов «Евразия» и «Волго-Дон-2». Результаты были положены на стол руководству России и Казахстана [13]. Эксперты оценили стоимости сооружения этих каналов, назвав такие цифры «Евразия» 489-554 млрд. руб. (8-9,5 млрд. долл.), а «Волго-Дон-2» 414-

468 млрд. руб. (7-8 млрд. долл.). Учитывая практику строительства и финансирования подобных работ в России, а также возможные экономические, (коррупционную составляющую), экологические и политические риски, стоимость строительства указанных каналов может возрасти на 30-40% т.е. до 700-750 млрд. руб. (12-13 млрд. долл.) [5].

Возможно опыт использования Прикаспийских впадин — депрессий Туркменистаном привлек внимание казахских ученых и специалистов, которые стали прорабатывать вопрос об освоении двух впадин — Карагие и Ащисор в качестве новых искусственных, глубоководных водоемов за счет вод Каспийского моря с целью создания круглогодичных курортных зон вдоль береговой линии и строительства портовой и сервисной инфраструктуры.

Впадина Карагие, казахи часто ее называют «Батыр» («воин») (тюрк. «черная пасть»), расположена на полуострове Мангышлак, примерно в 50 км к востоку от г. Актау. Это самая глубокая впадина в Казахстане, и одна из наиболее глубоких в Азии, (пятое место после впадины Гхор (Израиль, Сирия, Иордания) — 395 м, Турфан (Китай) — 154 м, Афар (Джибути) — 153 м, Каттара (Египет) — 133 м). Ее отметка дна 132 м ниже уровня мирового океана. Длина впадины 85 км, ширина — до 25 км. Площадь 2125 км². Она имеет форму неправильного овала с неровными берегами вытянутого на юго-востоке. В глубокой древности впадина была покрыта водами Каспийского моря. Исторические карты и геологические данные свидетельствуют, что периодически впадина являлась частью Каспийского моря, выступая, то как изолированный водоем, то как его временный залив, когда уровень Каспийского моря поднимается. Извест-

ный исследователь Восточного Каспия А. Бекович-Черкасский запечатлел его как залив. Ее образование связывают с процессами выщелачивания соленых пород с просадочными и карстовыми процессами, имевшими место на побережье Каспийского моря. Ведущую роль в этих процессах играют подземные воды. На дне впадины в его юго-западной части находится озеро Батыр, уровень и площадь которого находится в движении. При его высыхании дно впадины покрывается солончаками. Впадина окантована глубокими оврагами. Через эти места в древние времена проходил маршрут Великого Шелкового пути, о чем говорят более 600 древних некрополей, расположенных на его пути.

Гидрографическая сеть представлена рекой Аизигар с горько-соленой водой, протекающей с севера на юг по впадине. В пределах впадины имеются малodeбитные родники и колодцы с соленой водой. Во время дождей и снеготаяния в оврагах образуются временные водоемы, которые быстро высыхают.

Казахские ученые, проведя исследование в районе впадины и сделав определенные расчеты, пришли к выводу о возможности заполнения впадины водами Каспийского моря, создав практически новое «море-дублер» Каспия. Это потребует строительство канала.

Согласно концепции формирования глубоководного залива Карагие подача морской воды планируется осуществлять по самотечным подводным каналам. При этом создаются два бассейна. В первый, расположенный в непосредственной близости от побережья Каспийского моря протяженностью 2 км с головным водосборным узлом.

При этом бассейн наполняется до отметки — 29 м, т. е. практически до уровня Каспийского моря. Одновременно, должно осуществляться строительство подво-

дящего канала из бассейна № 1 во второй бассейн протяженностью 10 км. В голове канала № 2 намечается строительство водосборного сооружения с плоскими затворами для регулирования подачи воды в бассейн № 2.

Другая впадина Ащисор — (тюрк. «ашы» — «горький» и «сор» — «пересохшее озеро»), расположена в 1,5 км от залива Александра Бековича-Черкасского и в 2 км от впадины Карагие. В начале XVIII в. залив соединялся с Каспием. В конце XIX в. залив отделяется от залива Александр-бай песчаным гребнем, превратившись в озеро Бентурли-Ишан. Затем на протяжении значительного времени в зависимости от колебаний уровня Каспия то соединялся с ним, то терял связь. Ныне Ащисор и Каспий разделяет водораздел (песчаная пересыпь) высотой 40 м, длиной 7 км и шириной от 4 до 15 км.

В рельефе Ащисора выделяются две котловины различных размеров, рассеченные с запада-юго-запада на восток-северо-восток каменным гребнем. Меньшая условно названа Верхним Ащисором. Незначительное количество воды, просачивающейся через песчаную пересыпь из залива Александра Бековича — Черкасского, приводят к образованию небольших, пересыхающих летом озер. Нижний Ащисор занимает площадь 170 км², в юго-западной части он понижается до отметки -38,5 м. Донные соляные отложения сходны с солями Кара-Богаз-Гола.

С впадиной связан проект известного советского географа С. Ю. Геллера (1954 г.) по ее химико-энергетическому использованию. Проектом предусматривалась возможность замены Кара-Богаз Гол новой сульфатной базой. Пропуск воды из моря во впадину возможно осуществить сравнительно легко по естественному уклону с последующим подведением этих вод короткими каналами к круто-

му обрыву впадины Карагие. Это дает возможность без строительства плотины создать ГЭС мощностью 35 тыс. кВт. Предполагалось, что постоянство напора будет сохраняться за счет испарения воды из впадины Карагие. Создание концентрированного рассола в Ащисоре. Может обеспечить получение не только сульфата натрия, но и других солей, растворенных в воде Каспийского моря [14]. В предлагаемом проекте планируется заполнить впадину морской водой из Каспийского моря. В результате должен образоваться огромный водоем площадью около 300 км² и максимальной глубиной 12 м, вода в котором будет теплее, чем в Каспии. Вокруг него предлагают расположить рекреационную зону для туризма.

ИРАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

Еще одна прикаспийская страна — Иран в последние десятилетия активно продвигает идею строительства судоходного канала Каспий-Персидский залив, своего рода иранский «Суэцкий канал».

Этот канал или, как его еще называют Трансиранский, имеет длительную историю. Наверно, впервые над этим торговым путем, конечной точкой которого была Индия, задумался Петр I. Почва для его реализации была подготовлена Персидским походом Петра Великого в 1722-1723 гг. Но не сложилось.

В 1889-1892 гг. при царствовании Александра III русскими инженерами полноценно разрабатывался проект судоходного канала Каспий-Персидский залив. В 1904 г. была создана российско-персидская комиссия по его сооружению. Однако, стороны не смогли договориться о статусе канала — российская экстерриториальность против персидского кондоминиума.

Серьезно этот проект стали рассматривать уже в ходе Второй мировой войны. Перспективность его затрагивалась на переговорах И. В. Сталина с М. Пехлеви, шахом Ирана в 1943 г. в Тегеране. Затем этот вопрос поднимался не раз на самом высоком уровне. Во время официального визита шаха в Москву в 1956 г., в 1963 г. — во время визита Л. И. Брежнева в Тегеран, в 1965 г. — в 1968 и в 1972 гг. во время визита шаха в СССР и А. Н. Косыгина в Тегеран в 1973 г.

Однако в заключительных документах, перечисленных встреч обсуждение этого проекта не упоминалось. Следует отметить, что за воплощением в жизнь этого проекта внимательно следят Турция и США. Турки понимают, что этот канал, идущий в обход Турции является альтернативой существующему маршруту через Босфор-Дарданеллы — Суэцкий канал и Красное море. США же потеряют рычаг влияния в регионе [15].

Иранская сторона активизировала деятельность по продвижению сроков реализации проекта в 1996-1997 гг., начав изучение российского опыта по строительству судоходных каналов — Волго-Дон, Беломорско-Балтийский, Волго-Балтийский. В 1999 г. правительство Исламской Республики Иран официально одобрил ТЭО проекта. Общая протяженность судоходного пути составит около 700 км, в том числе по рекам северо-западного (Прикаспийского) и юго-западного Ирана, включая пограничное с Ираком международное русло р. Шатт-аль-Араб порядка 450 км. Требуемые инвестиции для сооружения всей артерии оценивались иранской стороной в 2012-2013 гг. минимум в 10 млрд. долл., в том числе по соединительному Трансиранскому участку (северо-запад — юго-запад) — в 5,5-6 млрд. долл. Полная окупаемость проекта наступит, по местным оценкам,

на пятый год с момента ввода в строй. По тем же расчетам, канал обеспечит России и Ирану транзитные доходы — соответственно 1,2-1,4 и 1,4-1,7 млрд. долл., начиная с третьего — четвертого года эксплуатации [15].

Уровень Каспия ниже уровня Персидского залива на 29 м, это вносит определенные сложности в гидротехнические решения по каналу. Учитывая горный рельеф и преодоления водораздела между бассейнами Каспия и Индийского океана, потребуется строительство каскада шлюзов. При этом для подачи воды в шлюзы ее будет необходимо закачивать с помощью насосных станций, для чего нужны будут серьезные энергомощности, которых на планируемой трассе нет, как нет и озер или водоемов, откуда можно было бы забирать воду. Кроме того, каспийская вода с минерализацией более 10 г/л не пригодна ни для водоснабжения (питья), ни для орошения сельскохозяйственных культур, а потому потребуется ее опреснение, что дополнительно потребует значительных энергомощностей и резко увеличит затраты на строительство.

Хотя иранская сторона с определенной периодичностью рассказывает о строительстве канала, пока это лишь пожелание. Реализация канала упирается в ряд проблем: высокая стоимость строительства и привлечение инвесторов, судоходная загрузка канала — что возить и в каких объемах. До сих пор, уже более десяти лет не удается наладить работу международного, транспортно-коридора «Север-Юг», проходящего через Каспийское море. Забор воды в канал из Каспийского моря, в объеме 10%, что равно стоку Волги, принадлежащего пяти странам потребует согласования с ними, при этом козырем будет возможность напрямую выходить в Индийский океан со своими товарами [16].

Проект строительства канала рассматривает два варианта прокладки трассы. Первый — через Мазендоран, Горган в сторону Шахруд (Имамшах), затем центральные районы Ирана к порту Чабахар (Оманский залив). Второй вариант короче — юго-западные районы Каспийского моря, Абадан и Хорремшахр (на границе с Ираком) и Персидский залив.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, имеется четыре варианта судоходных каналов, соединяющих Каспийское море с Мировым океаном. Первый вариант — строительство второй нитки Волго-Донского водного пути (с возможным соединением с рекой Кубань и выходом в Черное море) второй — строительство канала «Евразия» по Кумо-Манычской впадине, третий — строительство канала «Казак» по рекам Терек, Кума и Кубань. Все три варианта проходят по территории России. И наконец, четвертый вариант — канал Каспий — Персидский залив, самый затратный и по которой должен рассматриваться в увязке с первыми тремя вариантами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зонн И. С. Каспийский меморандум. Москва: ТОО Коркис; 1997. 290 с.
2. Панин Г. Н., Мамедов Р. М., Митрофанов И. В. Современное управление Каспийского моря. Москва: Наука; 2005. С. 356.
3. Корзун В. И. Теория и методы управления водными ресурсами суши. Часть 1. Москва: ОНК по гидротехнике и мелиорации. Москва: ВАСХНИЛ; 1988. С. 50-72.
4. Лужков Ю. М. Вода и мир. Москва: Московские учебники; 2008. 152 с.
5. Куртов А. А. Проекты новых каналов: потенциал для сотрудничества или скрытая угроза

Рассмотренные мегапроекты так или иначе связаны с Каспийским морем не только с информационной целью, но и с целью научно-психологической подготовки наших ученых и специалистов к зодчеству будущего.

Многим перечисленные мегапроекты могут показаться фантастическим, далекими и реально невыполнимыми. Скорей всего так относились к мегапроектам всегда. Но история говорит о другом. Проходили столетия от идеи и попыток эти идеи воплотить в жизнь и все же они были реализованы — это крупнейшие сооружения XIX-XX вв. — Коринфский римский полководец (Юлий Гай Цезарь), Суэцкий (египетский фараон Рамзес), Волго-Донской (русский император Петр I) каналы.

В этой статье мы коснулись лишь проектных решений. При этом всегда возникают вопросы, насколько проработаны различные риски, и в первую очередь экологические (впуск черноморской воды в Каспий), международно-правовые (забор воды из Каспия), но эта тема отдельной статьи.

- интересам России? *Проблемы национальной стратегии*. 2012;4:71-90.
6. Зонн И. С. Планетарная «хирургия» XXI в. в зоне пустынь. *Проблемы освоения пустынь*. 1992;3:6-15.
7. Хамраев Н. Р. Проект орошения засушливых территорий Центральной Азии. *Проблемы освоения пустынь*. 1995;6:45-56.
8. Хамраев Н. Р. Водные ресурсы Центральной и Южной Азии. Сценарий совместного использования. Ташкент: ФАН; 1996. С. 48.
9. Рудашевский В. Д., Рыскулов Д. М. Транскаспийский коридор развития. *НГ-Энергия*. 2012;7:10-12.

10. Boodt Da.M. Long Distance Water Transfer and its Possibilities for Gighling. Desertification. *Water Supply*. 1987;5:179-188.
11. Костяной А. Г., Зонн И. С., Соловьев Д. М. Туркменское озеро «Алтын Асыр»: спутниковый мониторинг его создания. *Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса*. 2012;1:219-227.
12. Абадашев И. И. Человек исправляет планету. Москва. Молодая гвардия; 1959. С. 190.
13. Волков К. Азов сольют с Каспием. *Известия*. 2010;180:2-5.
14. Зонн И. С., Костяной А. Г., Косарев А. Н., Жильцов С. С. Каспийское море. Энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2015. 542 с.
15. Чичкин А. В обход Босфора. *ВПК*. 2016;3-4:3-9.
16. Макаров О. Сумасшедшие каналы и моря. *Популярная механика*. 2016;4:26-30.

REFERENCES

1. Zonn I.S. The Caspian Memorandum. Moscow: TOO Korkis; 1997. P. 290. (In Russ.)
2. Panin G.N., Mamedov R.M., Mitrofanov I.V. Modern Management of the Caspian Sea. Moscow: Science; 2005. P. 356. (In Russ.)
3. Korzun V.I. Theory and Methods of Land Water Resources Management. Part 1: The Public Supervisory Committee for Hydraulic Engineering and Land Reclamation. Moscow: VASKhNIL; 1988. P. 50-72. (In Russ.)
4. Luzhkov Yu.M. Water and the World. Moscow: Moskovskiye uchebniki; 2008. 152 P. (In Russ.)
5. Kurtov A.A. Projects of New Canals: Potential for Cooperation or Open Threat to the Interests of Russia. *National Strategy Problems*. 2012;4:71-90. (In Russ.)
6. Zonn I.S. Planetary "Surgery" in the Deserts in XXI Century. *Desert Management Problems*. 1992;3:6-15. (In Russ.)
7. Khamraev N.R. Project of Dry Area Irrigation in Central Asia. *Desert Management Problems*. 1995;6:45-56. (In Russ.)
8. Khamraev N.R. Water Resources of Central and Southern Asia. Joint Use Scenarios. Tashkent. FAN Publishers; 1996. P. 48. (In Russ.)
9. Rudashevsky V.D., Ryskulov D.M. Trans-Asian Development Corridor. *NG-Energia*. 2012;7:10-12. (In Russ.)
10. Boodt Da. M. Long Distance Water Transfer and Its Possibilities for Gighling Desertification. *Water Supply*. 1987;5: 179-188.
11. Kostianoy A.G., Zonn I.S., Soloviov D.M. The Turkmen Lake Altyn Asyr: Satellite Monitoring of its Creation. *Modern Problems of the Earth Space Remote Sensing*. 2012;1:219-227. (In Russ.)
12. Abadashev I.I. Man Adjusts the Planet. Moscow: Molodaya Gvardia Publishers; 1959. P. 190. (In Russ.)
13. Volkov K. The Azov Sea Will Be United with the Caspian. *Izvestia*. 2010;180:2-5. (In Russ.)
14. Zonn I.S. Kostianoy A.G., Kosarev A.N., Zhiltsov S.S. The Caspian Sea. Encyclopedia. Moscow: Mezhdunnarodnye Otnoshenia; 2015. P. 542. (In Russ.)
15. Chichkin A. In By-Pass of the Bosphorus. *VPC*. 2016;3-4:3-9. (In Russ.)
16. Makarov O. Crazy Canals and Seas. *Popular Mechanics*. 2016;4:26-30. (In Russ.)

Статья получена 14.05.2018
Received 14.05.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь С. Зонн, доктор географических наук, академик РАН, Инженерный научно-производственный центр по водному хозяйству, мелиорации и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия; 107005, Россия, Москва, ул. Бауманская, д. 43/1, стр. 1;

igorzonn@yandex.ru

Евгений А. Гусаров, Академия геополитических проблем, Москва, Россия; 123308, Россия, Москва, ул. Крижановского, д. 29, стр. 5;

gusarov@mail.ru

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2;

sszhiltsov@mail.ru

Igor S. Zonn, Doctor of Geography, Academician of RANS, Engineering Research Production Center on Water Management, Land Reclamation and Ecology «Sojuzvodproject», Moscow, Russia; bld. 43/1, Baumanskaj str., Moscow 107005, Russia;

igorzonn@yandex.ru

Evgeniy A. Gusarov, Academy of the Geopolitics problems, Moscow, Russia; bld. 29, Kzhzhanovskoy str. Moscow, 123308, Russia;

gusarov@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;

sszhiltsov@mail.ru

Стратегия внешней политики Румынии. Эволюция, принципы, цели

Даниела Г. Драган

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия,

dragan_dana90@yahoo.com

Аннотация: в статье автором определены стратегические направления внешней политики Румынии. Актуализирует интерес к уточнению приоритетов политики страны серьёзные геополитические по своей значимости события в Европе. Исторически Румыния в своей внешнеполитической деятельности применяла дипломатические методы, позволяющие ей, как отмечают историки, «лабиринтовать» между центрами сил на международной арене. Однако к началу 2000-х годов намечается отход от данной традиции, особенно проявившийся в период президентства Т. Бэеску (2004 - 2014 гг.), который совпадает с периодом вступления страны в НАТО (2004 г.) и Европейский Союз (2007 г.). Румыния практически после распада социалистического блока рассматривала свое развитие, в начале, в рамках приоритетности интегрирования в НАТО и ЕС, в последующем, в рамках приоритетности приведения страны в соответствии с нормами и стандартами НАТО и ЕС. После вступления в евроатлантические структуры направления внешней политики определяются с точки зрения консолидации стратегических целей внешней политики страны с внешнеполитическими целями НАТО и ЕС. Наряду с этим, взаимодействие на уровне стратегического партнерства с Соединёнными Штатами, и придание данным отношениям исключительное для Румынии значение обуславливает одностороннюю внешнеполитическую ориентацию лишённую традиционной внешнеполитической маневренности. Подтверждением этому выступает и то, что, несмотря на декларирование и установление с рядом стран привилегированные отношения их «стратегическая» наполненность на практике очень низка. Исходя из этого, направленность развития отношений между Румынией и Российской Федерацией, интересы которых уже сегодня намечают отличие по многим вопросам региональной и международной политики, предположительно будут зависеть от конъюнктуры отношений Россия—Запад. Таким образом, анализируя исторические и современные особенности внешней политики Румынии, а также международную ситуацию в целом автор констатирует сохранение евроатлантизма как главное направление внешней политики Румынии в перспективе.

Ключевые слова: Румыния, внешняя политика, стратегия, евроатлантизм

Для цитирования: Драган Д. Г. Стратегия внешней политики Румынии. Эволюция, принципы, цели. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(2):140-148. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-140-148>

Foreign policy strategy of the Romania. Evolution, principles, goals

Daniela G. Dragan

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
dragan_dana90@yahoo.com*

Abstract: In this article, the author attempts to determine the strategic directions of Romania's foreign policy. Significant geopolitical events in Europe expose the need to clarify the priorities of the policy pursued by the country. Historically in foreign relations Romania has employed diplomatic strategies that allowed it, according to historians, to «anoeuvre» between the centres of power on the international arena. However, in the early 2000's a departure from this tradition has become apparent, especially during the administration of Traian Basescu (2004–2014), which also coincided with the country's joining NATO in 2004 and EU in 2007. After the collapse of the socialist bloc Romania set its priorities, firstly, in the direction of joining both NATO and EU and later bringing the country in accordance with their norms and standards was put high on the agenda. Having become a member of the Alliance and an EU-state, Romania has been determining its foreign policy from the point of view of synchronizing its strategic goals with those of NATO and EU. Along with this, the strategic partnership with the US and the attached to it significant importance for Romania dictate the one-sided political approach deprived of the traditional manoeuvre capability in foreign affairs. This is also proven by the fact that despite the declared and established privileged relations with a number of countries, the level of their “strategic” execution is very low in reality. That being said, the direction of the relations between Romania and the Russian Federation, whose views on many regional and international issues differ, are likely to be greatly influenced by the state of the Russia-West affairs. Having analyzed the historic and current aspects of Romania's foreign policy, the author determines the preservation of the euroatlanticism course as the main direction of the development of the foreign policy of Romania.

Keywords: Romania, foreign policy, strategy, euroatlanticism

For citation: Dragan D. G. Foreign policy strategy of the Romania. Evolution, principles, goals. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(2):140-148. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-140-148>

ВВЕДЕНИЕ

Основные направления внешней политики Румынии на современном этапе определяются гармонизацией стратегических целей внешней политики страны с внешнеполитическими целями Европейского Союза и НАТО. В то же время, существенное влияние на формирование внешнеполити-

ческой ориентации страны оказывают как эндогенные, так и экзогенные факторы. Политическая и экономическая внутригосударственная обстановка, коррелируется с внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации страны, которая во многом определяется и новой конъюнктуры международных тенденций. Параллельно

с этим, наряду с традиционным методом внешнеполитической деятельности Румынии заключался в одновременной «игре на двух досках» [1], намечается тенденция отхода от данной политической традиций.

ТРАДИЦИОННОСТЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РУМУНИИ

Исторически Румыния при формировании своих внешнеполитических устремлений ориентировались, практически всегда, на один внешний центр силы параллельно сохраняя активные политические связи с другими. Характерной особенностью румынской дипломатии стало стремление активно действовать как на региональном, так и на глобальном уровнях, не создавая долговременных союзов и не привязываясь к какой-либо великой державе. Смена союзника постоянно происходила в зависимости от складывающейся внешнеполитической конъюнктуры.

Провозглашение независимости Румынии в 1877 г. при активном участии России, предопределило пророссийскую ориентацию румынского внешнеполитического вектора. По итогам Берлинского конгресса независимость Румынии стали признавать и западноевропейские державы. Данный исторический период стал, таким образом, отправным в процессе формирования внешней политики Румынии, а его итоги позволили выделить определенную дипломатическую «традиционность» Румынии.

На рубеже XIX - XX веков, на фоне разногласий Румынии и России по Южной Бессарабии, политические отношения между странами сохраняли определенный позитивизм, исходя из общего стремления к сохранению статус-кво на Балканах. В то же время, будучи к началу войны союзницей стран Тройственного союза (сформированный в 1882 г., к которому Румыния примкнула уже в 1883 г.) Румыния в 1916

г. вступает в войну на стороне Антанты. Интерес Румынии был обусловлен территориальным вопросом. После того, как румынская армия потерпела ряд поражений, а в России начались революционные процессы, Румыния вышла из войны в 1918 г., оккупировав, Бессарабию, часть территории своего союзника. Более того, в рамках мирных договоров румынская дипломатия искусно использовала «восточную карту», сделав ставку на обрамление возможных революционных угроз, исходящих со стороны России, в результате чего страна приобрела «намного больше, чем потеряла» [2], особенно в вопросе расширения границ.

В межвоенный период Румыния была активной участницей профранцузской системы союзов в Восточной Европе, входила в состав Малой Антанты, а также Балканской Антанты. Но с середины 1930-х годов, в связи с усилением влияния Германии и ослаблением Франции, трансформировалась и её внешнеполитическая ориентация. Румыния демонстрировала готовность встроиться в новую систему международных отношений в Европе с учетом возросшей роли Германии. В германской игре роль Румынии было неоднозначной. Изменения границ румынского государства в пользу Советского Союза, Венгрии и Болгарии, осуществлялось при активной роли Берлина. Историки потом отмечали, что Румыния оказалось «в положении германского сателлита» [3]. В июне 1941 г. румынские войска вместе с немецкими вторглись на территорию Советского Союза. После разгрома основных воинских сил советского противника под Сталинградом, румынское руководство стало активно искать путь сепаратного выхода из войны с западными державами [4]. Итогом стал выход Румынии из войны в августе 1944 г. и последующее присоединение к странам, воюющим против Германии. Вместе с этим, обращаясь заново к отмет-

кам историков, было сформулировано заключение, что Румыния «проиграла войну, но выиграла мир» [5]. Тем самым, внешнеполитическая адаптивность оказалась поразительной, а использование внешнеполитической «двойственности», как особого дипломатического метода, представило собой весьма эффективное средство в достижении поставленных целей и задач.

После окончания войны, до 1960-х гг., Румыния была ориентирована исключительно на Советский Союз. Однако в условиях выстраивания биполярной системы международных отношений, румынское руководство исходило из необходимости обеспечения внешнеполитической маневренности и перехода от односторонности к многовекторности, т. е. к методам дипломатической «игры». Данные особенности были характерны и другим восточноевропейским странам, но, в отличие от них, румынская дипломатия отличалась значительно большей осторожностью и прагматизмом. Принцип сохранения равноудаленности страны от противоборствующих мировых центров стал одним из определяющих во внешней политике страны. С одной стороны, Румыния была союзником Советского Союза по Варшавскому договору, с другой стороны, она использовала противоречия между Советским Союзом и Соединёнными Штатами, совмещая доступ к дешевым советским ресурсам и западным кредитам и технологиям. В то же время, это позволяло Румынии вести более независимый от СССР внешний курс. Изменение общей ситуации в мире, особенно в Европе, распад социалистического содружества, драматические революционные события в Румынии открыли новый этап в её внешней политике: «уходом на Запад».

Надо признать, что Румыния на рубеже веков старалась сохранить особые связи с Москвой. В этой связи можно выявить два

подхода, которые наилучшим образом объясняют данный политический вектор: первый — к власти в Румынии в декабре 1989 г. пришли не идейные оппоненты прежней власти, а представители прежней коммунистической элиты. Не имея четких прозападных идейно-политических императивов, они не стремились к резкой переориентации на Запад. Второй — румынские политики продемонстрировали определенную инерцию во внешней политике: политической элите казалось, что Советский Союз, в реальности находившийся на грани краха, по-прежнему представляет из себя ведущую политическую силу в отношениях с Восточной Европой, а также может оказать значительную поддержку Румынии. И, так как к истории нельзя применить императив «если», ориентация внешней политики Румынии последующих лет продемонстрировала совершенно иные тенденции.

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РУМЫНИИ

Геополитические трансформации на рубеже XX-XXI века обусловили необходимость для Румынии переосмыслить основные политические и экономические приоритеты, что и не могло не отразиться на характере внешней политики страны. Почти четверть века общественной трансформации, начавшейся в 1990-е годы XX в., Румыния исходила из постулатов неолиберализма и евроатлантизма [6]. В декабре 1992 г. Румыния подписала Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, в 1995 г. подала заявку на вступление в члены Союза. В 1994 г., годом ранее, Румыния присоединилась к натовской программе «Партнерство ради мира», а уже в 1995 году подписывала Программу индивидуального партнерства. Заявка Румынии на вступление в НАТО была одной из первых, поданных бывшими странами членами Варшавско-

го договора (несмотря на то, что Румыния подписала договор в 1991 г. с СССР, который предполагал отказ восточноевропейских стран вступления в НАТО). В этот же период, значительные трансформации происходят и во внутренней политике страны. Сложившаяся в процессе реформ политическая система Румынии в значительной степени адаптирована к нормам западных стран. Принятая в 1991 г. Конституция провозгласила Румынию демократическим государством с республиканской формой правления с гарантиями политического плюрализма, гражданскими правами и свободами. Экономическая система Румынии также перетерпела веяния нового времени. Румынское правительство предприняло реформаторские меры по созданию в стране свободного рынка, открыло национальную экономику мировому рынку и др. Все эти трансформации не стали «особым путем» Румынии, они обуславливали общую тенденцию развития Восточной Европы.

Таким образом, в 2004 г. Румыния становится страной-членом НАТО, а в 2007 г. и Европейского Союза. В связи с тем, что политические силы страны сконцентрировались в основном на адаптации политической и экономической системы, а реализация в Румынии, «имитационной модели развития через заимствование уже существующих в наиболее развитых странах Запада институтов рынка и демократии» [7] отнесли развитие страны к осуществлению «политики догоняющего развития» [7]. Тем не менее, *евроатлантическая интеграция* как приоритет политики становится фундаментальным принципом *в продвижении и реализации Румынией своих национальных интересов*.

Изменение политической ситуации в Европе, начавшейся от Балкан и Ближневосточной кампании, отразились, конечно, и на румынских настроениях. Политические лидеры страны всесторонне поддерживали

инициативы Соединенных Штатов в Европе, как и в мире в целом. Двухмандатное президентство Траяна Бэеску стало демонстрацией полнейшей лояльности политики США. Приоритетность двустороннего сотрудничества отражена в документах стратегического планирования политики Румынии, регулирующих в том числе, и внешнюю политику страны. Взаимодействие на уровне стратегического партнерства стран основано на Соглашении о стратегическом партнерстве 1997 г., Декларации о стратегическом партнерстве в XXI веке 2011 г. и Совместной декларации о нападении стратегического партнерства в XXI веке, принятой в Вашингтоне осенью 2016 г. Диалог в рамках стратегического партнерства определил наиболее важные вопросы современных отношений между странами, а именно касающиеся военно-политических связей и безопасности, энергетической безопасности. Неизменно поддерживая США в их внешнеполитических и военных инициативах еще до вступления в Альянс, и особенно после вступления, Румыния проявила себя в качестве одного из наиболее преданных американских партнеров. Таким образом, оппонирование Москвы относительно подходов Вашингтона в решении международных проблем наметило тенденцию обрамления образа врага «в лице Кремля». В этой связи, примечательной является и знаменитая Мюнхенская речь Президента РФ В. В. Путина в 2007 году.

Направление румынской внешней политики на «особые» отношения с Соединёнными Штатами при активной интеграции страны в ЕС привело к усилению роли Румынии в региональной политике. Интерпретация национальных интересов имела принципиальное сходство с внешнеполитическим поведением стран Балтии и Польши. Для них имело первостепенную важность — восстановление исторической

справедливости, и в этом они *активно поддерживали политику и программы регионального сотрудничества со странами нечленами ЕС и НАТО*, параллельно, при поддержании и продвижении антироссийской политики. На субрегиональном уровне, подобное внешнеполитическое поведение способствовало увеличению роли Румынии в отношении с сопредельными странами, в частности, Молдовы и Украины. Цель данной политики заключается с одной стороны, в снижении влияния России в странах постсоветского пространства, с другой стороны, под предлагаемое посредничество Румыния реализовала свои прагматические интересы в отношении выше указанных стран. Ярким примером чему является эволюция румынской политики в отношении украинского острова Змеиный.¹

Ориентируясь на собственные национальные интересы, Румыния одновременно нацелена и на продвижение ключевых принципов, которые лежат в основе Европейского союза, выражаемые как *приоритет консолидации партнерства в рамках*

ЕС. Румыния, несмотря на геополитические катаклизмы, остается последовательной сторонницей усиления роли структур сообщества [8]. Экономические проблемы страны обусловили рост социальных диспропорций румынского общества. В 2008-2012 гг. Румынию сотрясали самые массовые за весь постсоциалистический период выступления населения против политики, ведущей к снижению жизненного уровня. Данная проблема сохраняла остроту и в последующие годы. В то же время, глубинные процессы, переживаемые Евросоюзом, актуализировали евроскептические настроения в Румынии. Проведенный Институтом социальных исследований страны в июне 2016 г. опрос показал, что 80% респондентов высказались за сохранение членства в ЕС, 15% — за выход из союза. Почти 75% опрошенных считают, что нужен новый европейский проект, учитывающий суверенные интересы каждого члена ЕС [9]. В целом членство Румынии в Европейском Союзе воспринимается обществом позитивно, что позволяет говорить о сохранении европейской внешнеполитической приверженности в перспективе. Евроскептические настроения, в частности, обусловлены недовольством граждан к структурам власти и, свидетельствуют о неэффективности диалога власти и общества. Членство Румынии в ЕС дает возможность получить значительные средства в развитии экономики и инфраструктуры страны [10]. В то же время, место и роль европейской экономики и ее присутствие на мировом рынке напрямую отражают высокий интерес Румынии в упрочнении роли страны, в связи с низким уровнем диверсификации межгосударственного сотрудничества вне Союза.

Логичное намерение румынского руководства в решении данной проблемы обусловило формулировку внешнеполитического принципа относительно *развития*

¹ Проблема принадлежности острова Змеиный, или согласно позиции Румынии, скалы Змеиный, стал одной из основных проблем в румынско-украинском диалоге. История принадлежности острова Змеиного датирует и принадлежность к царской России в результате русско-турецкой войны и к Румынии, после поражения в крымской войне (1853-1856). В 1948 г. остров был передан СССР в соответствие с дипломатическим протоколом, подтвержденным затем советско-румынскими договорами о государственной границе, 1949 года и 1961 года. После распада СССР Румыния стала претендовать на этот остров. Предметом спора являлись условия раздела нефтегазового континентального шельфа, принадлежащего Украине и содержащие значительные запасы нефти и газа. Стороны по данному вопросу не сумели найти общего решения, и он был передан на рассмотрение Международного суда ООН. В 2009 году Гаагский суд определил линию разграничения континентального шельфа и исключительных экономических зон Украины и Румынии в северо-западной части Черного моря. Согласно решению Международного суда, остров Змеиный не может считаться прибрежной линией Украины и исключительной экономической зоны.

стратегических форматов партнёрств межгосударственного сотрудничества. В период с 2010 гг. до настоящего времени, Румыния установила привилегированные отношения с 14-ю странами. Стратегическая «наполненность» сотрудничества, пока, имеет очень узкий характер: энергетика, торговые, инфраструктурные и технологические проекты и др. Особый интерес вызывает формат трехстороннего стратегического сотрудничества, Румыния — Польша — Турция, и формат двусторонних стратегических отношений со странами Восточной Азии: Китайской Народной Республикой, Японией, Республикой Корея, и Южной Азии: Индией. Первый, исходя из особенностей направления внешней политики стран, входящих в данный формат, второй, исходя их повышенной международной роли стран Азии. Перспективы развития межгосударственных отношений еще неясны. Но на них существенное влияние оказывает сама мирополитическая структура международных отношений, особенность которой уже сегодня заключается в оформлении «многополярного» мира.

Говоря о перспективах, придание Румынией отношениям с Соединёнными Штатами и интегрированию в НАТО и ЕС исключительного значения, блокировало для нее возможности развития отношений с другими странами, представляющими интерес. В первую очередь, это страны с быстро развивающимися экономиками, а также Россия. Означает ли это, что во внешней политике Румынии ожидаются перемены? Представляется, что нет. Как справедливо отмечает профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД РФ, Кириллов Б.В. «для того, чтобы потребовать у США вывода войск, необходимо быть личностью масштаба Ш. де Голля — таких политиков в Румынии нет» [4].

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ РУМЫНИИ И РОССИИ

Официальные контакты между Румынией и Российской Федерацией на сегодняшний день почти сведены к минимальным показателям. Во внешнеполитическом курсе Румынии российское направление не рассматривается в качестве одного из приоритетных или особых. Несмотря на то, что одним из факторов притяжения стран смог бы стать взаимный экономический интерес, политические мотивы остаются основным тормозом в развитии двустороннего партнерства. Главными из них являются:

- позиции стран в отношении Республики Молдова и Приднестровья;
- различное понимание развития Черноморского региона — Россия остается сторонницей сохранения «лица» регионального пространства, Румыния выступает за его расширение с включением внерегиональных акторов;
- военная безопасность — активное участие Румынии в создании глобальной системы ПРО США при размещении её элементов на румынской территории, и соответственно вблизи границ России;
- энергетическая безопасность — в рамках Евросоюза Румыния поддерживает идеи повышения энергетической независимости и снижения присутствия России на газовом рынке, диверсификации источников обеспечения энергоресурсами, данная позиция противоречит экономическим интересам России в данном регионе.

Примечательным внешнеполитическим инструментом становится и использование дискурсивных методов и особой риторики румынской стороны, что конечно затрудняет конструктивный двусторонний диалог.

В вопросах, относящихся к международной политике, Румыния поддерживает унифицированную позицию с евроатлан-

тическими структурами. Наряду с этим, позиции России и Румынии по ряду международных проблем (в частности, относительно независимости Косово, Договора о нераспространении ядерного оружия, борьбы с терроризмом) близки, что в какой-то мере создает предпосылки для внешнеполитического взаимодействия, в том числе в рамках международных организаций [1].

Таким образом, Румыния, как и другие страны Восточной Европы, став членами НАТО и ЕС, посчитала, что это должно не диверсифицировать их внешние контакты,

а стать альтернативой прежним. Тем самым, территориальная близость, традиции давних исторических связей и, главное, интересы взаимовыгодного сотрудничества не приводят, однако, к развитию добрососедских отношений [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, эволюция внешней политики Румынии позволяет выявить ряд этапов её развития, которым соответствует и позиционирование страны в системе международных отношений.

Этапы развития внешнеполитической стратегии Румынии.

1 этап	включение в систему международных отношений (1877-1914 гг.). Стратегическая цель: укрепление независимости и суверенности.
2 этап	позиция нейтралитета и одновременная игра на противоречиях великих держав (1914-1945 гг.). Стратегическая цель: возвращение утраченных территорий.
3 этап	позиция равноудалённости от лидеров биполярного мира (1960-1989 гг.). Стратегическая цель: обеспечение манёвра в своей внешней политике.
4 этап	смена парадигмы и модернизация внешней политики (1990-2000 гг.) Стратегическая цель: евроатлантическая интеграция.
5 этап	консолидация внешней политики с НАТО, ЕС и США (2001- по н.в.) Стратегическая цель: становление региональным лидером.

Таким образом, относительно выявления особенностей внешнеполитической стратегии Румынии можно выделить два аспекта: прагматическое использование возможных коллизий в международном и региональном сотрудничестве и взаимодействие в

контексте Запад — Восток (Россия) с опорой на евроатлантизм. По-видимому, существенных изменений в данной политике не произойдет, а текущее содержание стратегии внешней политики Румынии сохранится и в перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биткова Т. Г. Внешнеполитические ориентиры Румынии: Аналит. Обзор, Москва: ИНИОН РАН; 2016. С. 28.
2. Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. Санкт-Петербург: Алетей; 2005. 286 с.

3. Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.). Москва: РИСИ; 2011. 160 с.
4. Между Москвой и Брюсселем. Москва: Институт славяноведения РАН; 2016. С. 86-92.
5. Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940-1946 годы. Москва: Наука; 2008. 221 с.
6. Основные тенденции во взаимоотношениях России и стран Центрально - Восточной Европы, Москва: ИЭ РАН; 2015. 257 с.
7. Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Т. 1. Центрально-Восточная Европа. Санкт-Петербург: Алетей; 2017. 411 с.
8. Programul de guvernare 2017-2020. Бухарест: 2017; 150 с.
9. România — 10 ani de la aderarea în Uniunea Europeană. Клуж-Напока: IRES; 2016. 27 с.
10. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. Москва: Восток — Запад; 2009. 351 с.
11. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. Москва: Международные отношения; 2007. 200 с.

REFERENCES

1. Bitkova T. G. Romania's foreign policy orientations: Analytical overview. Moscow: ISS RAS; 2015. С. 28 (In Russ.)
2. Chernin O.V. In the days of World War II. Memoirs of a Foreign Minister of Austria-Hungary, Saint-Petersburg: Aleteya; 2005. 286 p. (In Russ.)
3. Eastern policy of Romania in the past and present (late XIX - early XXI centuries). Moscow: RISI; 2011. 160 p. (In Russ.)
4. Between Moscow and Brussels. Moscow: ISS RAS; 2016. P. 86-92 (In Russ.)
5. Islamov T.M. Eastern Europe in the force field of the great powers. Transylvanian question. 1940-1946 years. Moscow: Science; 2008. 221 p. (In Russ.)
6. The main trends in the relationship between Russia and the countries of Central and Eastern Europe. Moscow: IE RAS; 2015. 257 p. (In Russ.)
7. Post-socialist world: the results of the transformation. T.3, Saint-Petersburg: Aleteya; 2017. 411 p. (In Russ.)
8. Governance program 2017-2020. Bucharest: 2017. 150 p. (In Romanian)
9. Romania — 10 years since Romania joined the European Union. Cluj-Napoca: IRES; 2016. 27 p. (In Romanian)
10. Grinevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Geopolitical Casino in the Greater Black Sea Area. Moscow: East—West; 2009. 351 p. (In Russ.)
11. Grinevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Black Sea Hub. Moscow: International Relations; 2007. 200 p. (In Russ.)

Статья получена 28.04.2018

Received 28.04.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Даниела Г. Драган, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2;
dragan_dana90@yahoo.com

Daniela G. Dragan, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, 119992, Russia;
dragan_dana90@yahoo.com

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Последние изменения в каспийской энергетической стратегии Ирана в Каспийском регионе

Лидия А. Пархомчик

Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан,

timofko@gmail.com

Аннотация: Несмотря на то, что добыча углеводородов в бассейне Каспийского моря не является приоритетом для Ирана, Тегеран придает особое значение укреплению экономического сотрудничества с прибрежными государствами. Иран, который долгое время не принимал участия в формировании региональной повестке дня, выдвигает инициативы, способные обозначить новые подходы к региональному развитию по самому широкому кругу вопросов, включая добычу и транспортировку углеводородных ресурсов. Так, к примеру, недавние события наглядно продемонстрировали, что иранские власти отчетливо осознают, что энергетическая отрасль все еще является определяющим фактором при определении экономических и внешнеполитических приоритетов для прикаспийских государств, экономика которых остается экспортно-ориентированной. В результате Иран начал подготавливать почву для совместной разработки морских месторождений Каспия и возобновления операций по нефтяным свопам. Исходя из этого, основной целью статьи является рассмотрение политики Ирана в отношении Каспийского региона, делая особый акцент на энергетической стратегии Тегерана в Каспийском бассейне, а также уделяя особое внимание как перспективам развития морских месторождений, так и энергетическому сотрудничеству с прибрежными государствами.

Ключевые слова: энергетическая политика, Каспийский регион, нефть и газ, иранский сектор Каспийского моря

Для цитирования: Пархомчик Л. А. Последние изменения в каспийской энергетической стратегии Ирана в Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(2):149-160. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-149-160>

Recent Developments in the Energy Strategy of Iran in the Caspian Region

Lidiya A. Parkhomchik

Eurasian Research Institute, Almaty, Kazakhstan,

timofko@gmail.com

Abstract: Despite the fact that the production of hydrocarbons in the Caspian Sea basin is not a priority for Iran, Tehran attaches special importance to strengthening economic cooperation with the littoral states. Iran, which was out of a regional discourse for a long time, comes up with initiatives that can shape new approaches towards the regional development in a broad array of issues, including extraction and transportation of hydrocarbon resources. For instance, recent developments have shown that the Iranian authorities clearly acknowledge that the energy factor still has a prevailing influence on both the shaping and implementation of economic and foreign priorities of the Caspian states, the economy of which remains export-oriented. As a result, Iran started to prepare the ground for the joint development of the Caspian offshore deposits and resuming oil swap operations.

Therefore, the main purpose of the paper is to consider Iran's policy toward the Caspian region highlighting Tehran's energy strategy towards the Caspian basin and focusing on the exploration activities and prospects of development of offshore fields, as well as energy cooperation with littoral states.

Keywords: energy policy, Caspian region, oil and gas, Iranian sector of the Caspian Sea

For citation: Parkhomchik L.A. Recent Developments in the Energy Strategy of Iran in the Caspian Region. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(2):149-160. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-149-160>

INTRODUCTION

Despite the fact that the production of hydrocarbons in the Caspian Sea basin is not a priority for Iran, Tehran attaches special importance to strengthening economic cooperation with the littoral states. In fact, the recent developments in Iran's foreign policy towards the neighboring Caspian states, especially Russia, together with a gradual process of emerging from international isolation after signing of the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPA) also known as Iran nuclear deal, indicates strong intention of Tehran to improve its

involvement in addressing regional challenges as an influential regional policymaker.

It is quite understandable that Iran, which is the second largest economy in the Middle East and North Africa region after Saudi Arabia, with an estimated gross domestic product (GDP) in 2017 of \$439.5 billion (Iran witnessed an increase in its GDP by \$20.6 billion in 2017 compared to figures in 2016 where GDP amounted to \$418.9 billion. Moreover, in 2015 Iran's GDP amounted to \$385.8 billion, which was a \$48.6 billion decrease comparing with 2014), still depends to a large extent on oil revenues. Therefore, the development of

its Caspian provinces, economy of which is characterized by the agriculture sector, is not considered as a real priority. Current statistics show that due to a significant rise in oil production and exports the Iranian economy strongly recovered in 2016-2017. For instance, following the removal of nuclear-related international sanctions, oil and gas production increased by 62%, which made it possible to increase the annual growth rate to 13.4% in 2016 compared to 1.3% in 2015 and to 4.3% in 2017 as oil production stabilizes. However, unemployment remains high and non-oil sector activity remains subdued. [1] In fact, in 2017 the number of employed persons in Iran reached an all-time high of 23.8 million out of 80.9 million of the total population. On the other hand, the unemployment in Iran remains at double-digit rates, namely, more than 12%, with extremely high youth unemployment rate, which reached an all-time high of 30.4% in 2016 [2].

As a result, the main priorities of the government of Hassan Rouhani reelected for a second presidential term in May 2017 encompass market-based reforms focusing on both strengthening economic ties with key trade partners and ensuring an increase in the flows of the foreign investments. It is expected that these measures would provide high economic growth rates, which will allow reducing social and economic pressures in the country. In fact, the relief of international economic sanctions allowed for the enhanced implementation of industrial and infrastructural projects within the country. In recent years, Tehran managed to fulfil a number of projects that significantly intensify the industrialization in agricultural areas, including the Caspian littoral provinces. Indeed, recently discovered oil and gas fields in the Iranian sector of the Caspian Sea has greatly increased the demand for highly developed coastal infrastructure oriented on transportation and processing of hydrocarbons. Moreover, the Caspian provinces are of signif-

icant importance to Iran's transportation strategy as parts of the International North-South Transport Corridor (INSTC) aimed to ensure a multi-mode network of ship, rail, and road routes for moving goods between India, Iran, Azerbaijan, Russia, Central Asia and Europe.

It appears that Iran, which was out of a regional discourse for a long time, comes up with initiatives that can shape new approaches towards the regional development in a broad array of issues, including extraction and transportation of hydrocarbon resources. For instance, recent developments have shown that the Iranian authorities clearly acknowledge that the energy factor still has a prevailing influence on both the shaping and implementation of economic and foreign priorities of the Caspian states, the economy of which remains export-oriented. As a result, Iran started to prepare the ground for the joint development of the Caspian offshore deposits and resuming oil swap operations.

Therefore, the main purpose of the paper is to consider Iran's policy toward the Caspian region highlighting Tehran's energy strategy towards the Caspian basin and focusing on the exploration activities and prospects of development of offshore fields, as well as energy cooperation with littoral states.

EXPLORATION ACTIVITIES AND DEVELOPMENT OF THE OFFSHORE FIELDS

Being an oil export based economy, which focuses on the development of oil and gas bearing areas originating in the Persian Gulf and the Gulf of Oman, Iran pays less attention to the Caspian region, where there is still much work to be done to develop sustainable exploration and production of oil and gas. In fact, the country is a latecomer in conducting exploration activities in the Caspian region. The first offshore hydrocarbon deposit in the Iranian sector of the Caspian Sea was discovered by Khazar Exploration and Production

Co. (KEPCO) (KEPCO is a subdivision of the National Iranian Oil Company (NIOC) founded in 1998. KEPCO is an authority in exploration, development and production of oil and gas in Iran concerning the Caspian Sea and three littoral provinces of Mazandaran, Golestan and Gilan. KEPCO supervises all the contracts signed by local and international companies regarding exploration and development of hydrocarbon reserves in the area) in 2011. The Sardar-e Jangal field is located at Block 6.2, about 250 kilometers from the coastline of the Mazandaran province, 750 meters below water surface. According to initial projections of the Iranian Ministry of Petroleum, the field contains total proven reserves of around 50 trillion cubic feet of natural gas (However, recent estimates from the operator of the field, KEPCO, placed reserves at 5 trillion cubic feet) (over 1,4 trillion cubic meters), which is ten times more than those of the Shah Deniz gas field, and about 10 billion barrels of oil. In 2012, an oil layer in Sardar-e Jangal field was discovered, namely, the Sardar-e Milli deposit, which is estimated to hold two billion barrels of oil with a recovery rate of 25%, or 500 million barrels. According to then Petroleum Minister Rostam Qasemi, the field contains light crude with zero sulphur content (API 39). It is expected that drilling 24 wells in the Sardar-e-Jangal oil field would allow a daily production of 95,000 barrels, while drilling 32 wells would result in 120,000 barrels a day [3].

It is worth noting that in 2001 Tehran took the first steps to ensure the realization of the exploration activities in the Caspian Sea and the adjacent provinces of Mazandaran, Golestan and Gilan following the geological and geophysical studies prepared by the South Caspian Study Group (SCSG) (In 1999-2000, Shell, Lasmo and Veba Oil teamed up to establish the SCSG aimed to conduct studies in the Iranian sector of the Caspian Sea. 22

months the group conducted 10,000 kilometers of 2D seismic operations, reviewed data related to 26 wells drilled in Azerbaijan and Turkmenistan and compared the connection between the formations in the wells drilled in these two countries and Iran. In the end, the study discovered 86 geological structures in the Caspian Sea with 46 of them in better conditions. Eight of them were picked as priority structures for exploration and production studies). Right after the well-known military incident with BP in the Azerbaijani sector of the Caspian Sea (The survey vessel of BP, which was the exploration operator of the Alborz/Araz-Alov-Sharg block, was moved out from the contract area by the Iranian military motor boat in the summer of 2001) the Iranian Company SADRA started, under the Swiss company GVA's license, to construct a semisubmersible platform designed for drilling at the disputable Alborz block, which the Azerbaijani side calls Araz-Alov-Sharg (The drilling operation control system at the platform technically belongs to the Norwegian company Maritime Hydraulic, which held trainings for the Iranian oil workers). However, a month after the First Caspian Summit held in Ashgabat in April 2002, Baku and Tehran officially declared that exploration works at the disputed offshore hydrocarbon fields would be stopped until resolving the border issue. As a result, the platform was used to conduct drilling operations on one of the eight priority structures selected under the SCSG study.

The official ceremony of the commissioning of the Alborz platform, which was then renamed as Amir-Kabir, took place in the summer of 2009 [4]. The platform started an exploratory drilling in February 2010. In fact, it was Iran's first experience of deep water drilling. The domestically manufactured semisubmersible drilling rig operated by 120 persons, is capable of drilling wells

down to 6,000 meters, but only usable for underwater exploration works at a 1000-meter depth and cannot be used for gas or oil extraction. The platform has so far drilled two exploration wells. The first well drilled at a depth of 2,460 meters in the Caspian Sea led to the discovery of the Sardar-e Jangal field (For comparison, Russia's Yuri Korchagin oil field located at a depth of 3,500 meters, Azerbaijan's Azer-Chirag-Guneshli fields – at depths ranging from 3,500 to 4,000 meters, Kazakhstan's Kashagan oil field – at a depth of 4,700 meters, while Azerbaijan's Shah Deniz, which is the closest field to the Sardar-e Jangal, was discovered at a depth of more than 7,000 meters). In November 2014, the production tests, including pressure and temperature data recording, were carried out successfully in the second well, drilling of which finished after reaching a depth of 3,488 meters. The second well drilled 1,423 meters away from the first well was later proven to contain oil. In 2015, KEPCO spudded the third exploratory well on the Sardar-e-Jangal field in the Caspian Sea.

In order to maintain the 14,700-ton drilling rig (4,500 tons of the total weight belong to the technical equipment), which is fixed to the seabed by eight anchors weighing 20 tons each, KEPCO constructed three multipurpose auxiliary tugs named Caspian-1, Caspian-2, and Caspian-3, and established a base for the performance of oil operations in the northern Iranian city of Roudsar. KEPCO completed its drilling fleet by adding a relief and rescue vessel, two multi-purpose vessels, two pollution-removing vessels and a speed vessel.

The Iranian authorities strongly insist that Sardar-e-Jangal is the only indisputable oil and gas field discovered by KEPCO in the Caspian Sea. However, since the Sardar-e-Jangal field is located approximately 180 kilometers to the north-west from Astara and 194 kilometers to the south-west from

Figure 1. Iran's Sardar-e Jangal gas and oil field

Source: IranOilGas

the Azerbaijani Oil Rocks field (Fig. 1), it appears that this gas and oil deposit is situated to the north from the Astara-Hasangulu line, which was accepted as the boundary line separating the former Soviet Union and Iran [5]. In fact, according to the Azerbaijani authorities, areas to the north from the Astara-Hasangulu line are under the jurisdiction of Baku as they are located in the Azerbaijani sector of the Caspian Sea. Under these circumstances, the Sardar-e-Jangal field might legally belong fully to Azerbaijan or be subject to shared ownership. However, the Ministry of Foreign Affairs of Azerbaijan and the Azeri state-owned oil company SOCAR does not rush to claim rights to the offshore deposit. Indeed, despite the fact that according to a modified median line division method of the Caspian seabed, which was adopted by Azerbaijan, Russia, Kazakhstan and, partially, Turkmenistan, this block is located in the Azerbaijani sector, there is still a possibility that after the completion of the geological exploration of the field it may gain a cross-border status just like the Iranian South Pars field in the Persian Gulf.

ENERGY COOPERATION WITH LITTORAL STATES

Three-fourths of Iran's reserves lie within its national borders, but the country shares 28 oil and gas fields with the neighboring countries. These joint fields contain 20% of Iran's oil reserves and 30% of its natural gas [6]. In fact, the volume of production of Iran's neighbors from the joint oil and gas fields is currently nine times higher than that of Tehran. Therefore, there is a possibility that Iran would consider the option of jointly developing disputable Caspian oil and gas fields. For instance, speaking at the meeting with Azerbaijani President Ilham Aliyev held on the sidelines of the Iran-Russia-Azerbaijan summit in Tehran on November 1, 2017, Iranian President Hassan Rouhani stated that Iran was ready to cooperate with Azerbaijan in various industrial sectors including oil and gas swap and exploration activities in the Caspian Sea region. Moreover, on September 28, 2017, at the invitation of Rovnag Abdullayev, head of Azerbaijan's SOCAR, a delegation from KEPCO headed by Mohsen Delaviz, the company's managing director, held talks in Baku on the issue of joint exploration and development of Caspian Sea oil and gas fields. In fact, the parties already signed a memorandum of understanding (MoU) on cooperation in the oil and gas industry in 2016 (The document was signed between the NIOC and SOCAR during the visit of President Ilham Aliyev to Tehran in February 2016). It is worth mentioning that Iran considers both Azerbaijan and Russia as energy partners in offshore oil exploration in the Caspian basin. For instance, on October 3, 2017, the Russian oil company Lukoil signed two preliminary agreements with the NOIC to study the Caspian Sea's oil and gas potential (The agreements were signed in Moscow during the 19th ministerial meeting of the Gas Exporting Countries Forum). The agreement for a geological survey in the Caspian Sea coupled

with a MoU signed between Lukoil and KEPCO paved the way for Russia's second-largest oil producer to further cement its position in Iran's petroleum market. Thus, it would be the first time for Iran and Russia to cooperate over an energy-related project in the Caspian Sea.

However, while recognizing the significance of energy talks between Iran and other littoral states, it is important to note that recently signed agreements mainly demonstrate Iran's desire, not full readiness, to launch energy cooperation in the Caspian Sea in the near future. It is obvious that Tehran has not yet made a groundbreaking move that could contribute to joint exploration activities in the region. Nevertheless, due to the fact that oil and gas development in the Caspian Sea is totally different from that in the Persian Gulf, there is a need for attracting international oil companies possessing modern deep water drilling technologies as operators of Caspian energy projects. Since Iran's capacity for further development of Caspian Sea resources is rather limited, in 2015, KEPCO introduced four energy projects (Two out of four are exploration projects, while the remaining two focus on production and development of the fields) in the Caspian basin to potential investors, namely, Blocks 24, 26 and 29 (Block 24 and 29 are located 130-135 kilometers to the north from the Nowshahr port at a depth of 600-800 meters, while Block 26 is situated 100 kilometers to the north-east from the Anzali port at a depth of 850-900 meters), as well as the Sardar-e Jangal oil field, under Iran's new model of oil contracts known as an integrated petroleum contract (IPC). In the following two years, Norway's Offshore Resource Group (ORG) signed a MoU with KEPCO to study the development of all four projects (The agreement was signed by Jostein Kaare Kjerstad, ORG's executive director, and Mohsen Delaviz, KEPCO's managing director, in Tehran on November 1, 2017). Thus, Iran managed to find an international energy

company possessing special equipment and experience to extract oil and gas from deep waters. It is probable that ORG's exploration activity would be conducted by means of the second semisubmersible drilling platform, the construction of which is provided for in the agreement signed by KEPCO in 2013.

It appears that despite the fact that the groundwork has been laid by Tehran for the IPC-based development of the Sardar-e Jangal oilfield the commercial production of oil and gas there is still a matter of the distant future. According to Iranian Petroleum Minister Bijan Zangeneh, oil production in the Caspian Sea is not a priority for Iran. Such an approach of the Petroleum Ministry is entirely appropriate, given that Iran lacks cost-efficient technologies of deep water drilling. As Zangeneh has rightly pointed out, extraction of oil and gas from the Caspian deposits requires high technology and large-scale investment, therefore, it is on the agenda, but in the long-run perspective.

It could be concluded that a key goal of Iran's energy strategy in the region is mainly to conduct exploration activities. In fact, Iran still does not have the necessary infrastructure

to commence the commercial oil and gas production. KEPCO has neither a pipeline nor a floating production storage and offloading vessel in the Caspian Sea to carry oil from the fields to the shore. Moreover, the fact that the ORG agreed to carry out exploration research does not guarantee that the European energy company will agree to operate at the disputable field, unless Tehran and Baku reach an agreement on the issue. As a result, as of today the development of the Caspian fields is largely motivated by geopolitical rather than economic considerations. However, it is no doubt that the development of the Sardar-e Jangal and Sardar-e Milli fields could open a new chapter in hydrocarbon production in the Caspian Sea.

OIL SWAPS

Bordering the Persian Gulf and Gulf of Oman in the south, Iran could be a transit route for moving energy from the Caspian Sea, which has no direct access to the international waters and the world markets. In fact, oil and gas swap operations started in 2000 enabled Iran to hold a position of one of the leading

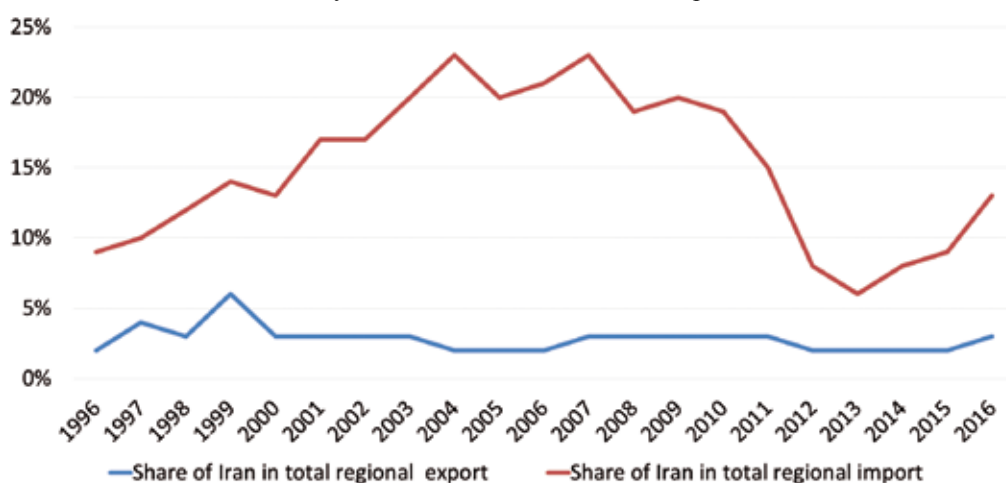

Figure 2. Share of Iran in total regional export/import

Sources: UNCOMTRADE, International Monetary Fund, 2015

importers in the Caspian region. Until 2010, the oil swap operations represented the lion's share of Iran's mutual trade with the regional countries, which resulted in a constant increase of Iran's share in the total regional import from 9% in 1996 to its highest rate of 23% in 2004. The average share of Iran in regional import has remained stable totaling 21% from 2003 to 2010. However, after 2010 when the former President Mahmoud Ahmadinejad decided to halt swap operations, Iran's share in the total regional import averaged 11% from 2011 until 2016, reaching a record low of 6% in 2013 (Fig. 2). As a result, the Iranian side is oriented at resuming oil swaps with the Caspian Five.

According to reports, Iran swapped more than 254 million barrels of oil from 2000 to 2010 generating \$880 million in revenues. Under the agreement, Iran received crude oil from the Caspian states in Neka Oil Terminal where facilities with infrastructure relevant for oil swap and loading procedure are located (Neka Oil Terminal was built in 2003 in order to handle oil imports under swap agreements with the Caspian states). The Iran's northern refineries processed oil swapped with further distribution of the oil products across the Caspian provinces. Meanwhile, Iran delivered an equivalent volume of crude oil in its Persian Gulf terminals to the credit of its Caspian neighbors. The operations were conducted by the Naftiran Intertrade Company (NICO), which is a Swiss-based subsidiary of the NIOC that handles swap operations on behalf of the parent company. The parties considered the oil swaps as a win-win deal given that the Iranian side did not have to pay for transportation of the crude oil across the country from its southern fields, while the Caspian states did not face the cost of transporting their hydrocarbons to a coastal terminal. However, in 2010 the Iranian government declared its intention to increase the fee that Iran charges its northern neighbors for its service from \$1 to \$5-\$6 for each barrel

of oil swapped. Unfortunately, the higher fee Iran wanted to charge made the swap operations unprofitable [7]. Moreover, the situation had been worsened by the inclusion of the NICO in the U.S. blacklist, which meant that direct trade, even by non-US companies, with NICO would lead to penalties.

Nevertheless, since 2012 Iran tried to revive the swap deals by preparing proposals to its Caspian neighbors on the resumption of oil swap operations. For instance, in 2016, Mahmoud Astaneh, Board Member of NICO, stated that Iran is fully ready for a daily swap of around 300,000 barrels of oil at Neka Oil Terminal as all required domestic preparations are completed and necessary negotiations with foreign counterparts are underway. As a result, in August 2017, oil and gas explorer Dragon Oil shipped a cargo of oil produced from an offshore development in Turkmenistan to Iran. The Russian-flagged oil tanker discharged around 6,000 tons of crude oil at the terminal in the Caspian port of Neka. Moreover, in November 2017, Iran's Oil Minister Bijan Namdar Zanganeh reported that Iran and Russia's Energy Ministry have signed a contract for the supply of Iranian oil to global markets through the Russian ministry's body Promsyreimport. The first tanker was already sent in mid-November under the agreement. It is planned that in 2018, Russia will purchase from Iran about 5 million tons of oil contributing to the resumption of swap operations (Jalilov O. Iran, Russia Sign deal on sale of Iranian oil to global markets. 2017 Retrieved from <https://caspiannews.com/news-detail/iran-russia-sign-deal-on-sale-of-iranian-oil-to-global-markets-2017-11-30-41/>).

In December 2017, Pirouz Mousavi, Managing Director of the Iranian Oil Terminals Company (IOTC), reported that the IOTC handled 1.8 million barrels of crude oil since swap operations were resumed in August 2017. The swapped oil was shipped from

Turkmenistan to refineries in Tabriz and Tehran in more than 36 cargoes, while the equivalent amount was delivered to buyers on Kharg Island (Data on Iranian crude oil swaps with Caspian states revealed. Iran Daily. 2017. Retrieved from <http://www.iran-daily.com/News/206051.html?catid=3&title=Data-on-Iranian-crude-oil-swaps-with-Caspian-states-revealed>). In fact, there is a possibility to increase oil swap capacity between Iran and Caspian states in the medium term given that Neka Oil Terminal currently receives only around 50,000 barrels of oil per day.

ELECTRICITY

Nowadays, Iran's electricity industry ranks 14th in the world and first in the Middle East in terms of power generation. In June 2017, the country's overall nominal capacity has reached 76,947 megawatts (MW). Iran is now exporting around 12 billion kilowatt-hours of electricity to its neighbors each year, while imports stand at an annual level of 4 billion kilowatt-hours. Iran imports 1.2% of its electricity consumption in order to keep the seasonal balance. For instance, Iran experiences peak consumption in the summer, while in Azerbaijan, Russia and Georgia electricity is consumed most in the winter. Under these conditions, it is understandable that Tehran seeks opportunities to swap electricity in order to avoid costs related to the construction of new power plants.

In fact, Iran views the South Caucasus as a potential area for energy trade and transportation [8]. In order to meet Nakhchivan's energy demand, Azerbaijan started to buy electricity from Iran in late 1994. Before the construction of the 220-kilowatt Astara (Azerbaijan) – Astara (Iran) transmission line in 2003, over 60% of Nakhichevan's electricity supply came from Iran via the 132-kilowatt Imishli-Parsabad power line, as well as two related 154-kilowatt transmission lines. In order to enable Iran to

increase electricity supplies to Azerbaijan's exclave, in 2006 the parties agreed to a mutual exchange of electricity during alternating peak consumption seasons. According to the agreement, Azerbaijan was supposed to transfer power to Iran during the summer, providing electricity to the Iranian cities of Astara and Talesh, and receive power from Iran through the same line during winter. As part of the project, Azerbaijan and Iran signed an agreement on the construction of a new high-voltage 330-kilowatt power line connected to the main Azerbaijani grid parallel to the existing 132-kilowatt Imishli-Parsabad line. However, due to the international sanctions against Iran, the joint project has been suspended until 2016. In December 2016, the 330-kilowatt Mugan (former Imishli-Parsabad 2) power line was put into operation, and the framework agreement was signed on the sale of electricity. In addition, in February 2016, the two neighbors concluded an agreement envisaging the construction and operation of new hydro plants at the Khoda Afarin and Qiz Qalasi dams and hydroelectric complexes on the Araz River. The hydroelectric power plants and hydroelectric complexes will be used by Baku and Tehran on equal terms. The construction of the hydropower plants will be implemented near the Araz River borderline in the Iranian town Marazad and the Azerbaijani city of Ordubad.

On the sidelines of the Trilateral Summit of the presidents of Azerbaijan, Iran and Russia held in Tehran on November 1, 2017, Ilham Aliyev, Hassan Rouhani and Vladimir Putin agreed on enhancing cooperation in the oil and gas industry and electricity trade. In a joint statement issued following the talks, the parties have expressed interest in supporting the implementation of the agreements on electricity trade, as well as the project to connect the electricity grids of the three countries. Therefore, it can be easily seen that Iran intends to create a regional electric power market with

its partners in the region. On June 6, 2013, the parties signed an agreement on measures aimed to ensure parallel operation of their energy systems confirming their intentions to establish common policies for modernization and development of the energy system. Moreover, Russian officials confirmed their intentions to revitalize the project of establishing energy networks of Azerbaijan, Russia and Iran. Actually, the initial agreement was inked in Tehran in December 2004. The parties even formed a tripartite committee responsible for solving technical issues on the way of ensuring the parallel operation of energy systems. Nevertheless, reaching of the Joint Comprehensive Plan of Action, which has ensured the suspension of the nuclear program of Iran and the lifting of the sanctions, provided Azerbaijan, Russia and Iran with an opportunity to resume the process of interconnection of energy systems.

In fact, Tehran is also interested to create conditions for effective parallel activities of the power grids of Iran, Georgia, Armenia and Russia. At the moment, a coordination group at the level of deputy ministers of the four countries is actively working to launch the projects. It is expected that by late 2019 the 1000 MW North-South Energy Corridor will operate at full capacity. Indeed, in December 2015, the Energy Ministers of Armenia, Georgia, and Iran, namely, Yervand Zakharyan Kakha Kaladze and Hamid Chitchian, respectively, as well as Chief Executive of the Rosseti, which manages Russia's power distribution grids, Oleg Budargin signed a memorandum on cooperation in the energy sphere. Under the document, the parties agreed to cooperate in studying technical and legal framework for the possible synchronous operation of the four countries' electricity grids. Currently, it is technically possible to synchronize the Armenian and Iranian grids, on the one hand, and the Georgian and Russian grids, on the other [9]. As a result,

in order to allow the single synchronization of all four countries' electricity grids, there is a need to construct 400- kilowatt Iran-Armenia and Armenia-Georgia power transmission lines (Electricity exchange capacity between Armenia and Georgia will reach 350 MW, with a further planned increase to 700 MW by 2021; exchange capacity between Armenia and Iran will reach 1200 MW).

It should be noted that Iran's SUNIR company has already received the official permit to build a 400-kilowatt Iran-Armenia power transmission line, the memorandum on construction of which was signed between Armenia and Iran in May 2006. In fact, the construction was repeatedly postponed due to a number of reasons, including Western sanctions against Iran. However, in August 2015 Ali Salehabadi, Managing Director of the Export Development Bank of Iran (EDBI) (According to the agreement, the EDBI will provide 77% of the construction cost of the project, with the remaining 23% will be provided by the general contractor, namely, SUNIR. The total cost of the project is €107.9 million), and Aram Ananian, Managing Director of Armenia's High Voltage Electricity Network, signed the agreement on the construction of the third power line between the two countries. The project of the 400- kilowatt Meghri-Hrazdan power transmission line with the total length of 279 kilometers also includes construction of a 440-kilowatt substation 10 kilometers away from the Hrazdan Thermal Power Plant (Avanesov A. Iran-Armenia 400 kWt high-voltage line construction will finish on September 1 2018. 2017. Retrieved from http://finport.am/full_news.php?id=29486&lang=3).

It could be concluded that most of Iran's electricity trade with its partners is on an exchange basis, which makes it possible to synchronize the power grids of the regional countries. It appears that the parties will continue efforts to ensure parallel operation of their

energy systems confirming their intentions to establish common policies for the modernization and development of these systems. Moreover, the projected Armenia-Iran and Armenia-Georgia power transmission lines are to be commissioned in 2019 will enable electricity transits and seasonal mutual supplies and exchanges between Iran and the countries of the Caspian-Caucasus region.

CONCLUSIONS

Although Tehran has not yet developed a clear framework for cooperation with the Caspian littoral states there is no doubt that Iran is in the process of establishing the Caspian direction of its economic strategy. Indeed, Tehran's current program of action is geared towards improving the lives of the Iranian citizens through economic policies and measures focusing on the enhancement of the welfare of the population and full-scale revitalization of the national economy. As a result, the ongoing and completed projects aimed at the socio-economic development of the Caspian littoral provinces are the constituent components of the long-term national development strategy that is intended to ensure economic growth.

In fact, the economic importance of the Caspian region for Iran will definitely increase if the country starts offshore oil production in the Caspian Sea. This would entail a greater focus

on the development of the Caspian ports facilities and railway infrastructure. Otherwise, it is highly unlikely that Tehran will prioritize the northern ports' capacity enlargement over the southern ports' development since Iran still has a developing oil export based economy, which is demanding for direct access to international sea communication originating from the Persian Gulf and Gulf of Oman. Therefore, addressing the issue of the disputed oil and gas fields would be in the best interests of Tehran, which would positively influence the development of friendly relations with Azerbaijan.

As a result, it could be concluded that Iran is still in the early stages of institutionalizing its relationships with the Caspian Five. Tehran is trying to determine the best options for ensuring its national interests in the Caspian basin and building trustworthy environment for bilateral cooperation with the littoral states. Stressing the region's role as a bridge between the Middle East and Europe, the Iranian authorities identify the necessity to realize its full economic potential. However, given that Iran has not yet developed a detailed strategy towards the region implementing mainly a number of separate projects rather than as a coordinated development program, it is becoming obvious that Tehran will continue building on its comparative advantages in future priority-setting.

REFERENCES

1. World Bank. Iran Economic Outlook - Spring 2018. MENA Economic Outlook Brief. Washington: D.C. World Bank Group; 2018. P. 2.
2. Trading Economics. 2018. Iran - Economic Indicators. Available from: <https://tradingeconomics.com/iran/indicators>
3. Lyutskanov E., Alieva L., Serafimova M. Energy Security in the Wider Black Sea Area – National and Allied Approaches. NATO Science for Peace and Security Series. Moscow: Human and Societal Dynamics. IOS Press; 2013. P. 47. DOI:10.3233/978-1-61499-260-8-25
4. Sardar-e-Jangal oil field belongs to Iran. *Iran Petroleum Monthly*. 2013;9:6-7.
5. Frappi, C., Garibov, A. The Caspian Sea Chessboard: Geo-Political, Geo-Sytrategic and Geo-Economic Analysis. Baku: EGEA; 2014. P. 133.
6. Kalehsar O. S. Iran's Joint Fields Offer Development, Partnership Opportunities. *Oil&Gas Journal*. 2017;115:38-42.

7. Iran to «Resume» Oil Swaps that Supposedly didn't End. Iran Times. 2013. November 8.
 8. Aslanidze A. The Role of the Energy Charter in Promotig Electricity Cooperation in the South Caucasus. *Energy Charter Secretariat Knowledge Center*. 2016;1:11-12.
 9. Grigoryan, A. Armenia, Georgia, Iran and Russia Plan to Expand Energy Cooperation. *Eurasia Daily Monitor*. 2016;13(1):1-12.
-
- Статья получена 12.04.2018
Received 12.04.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лидия А. Пархомчик, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан; 0500004, Казахстан, Алма-Ата, ул. Маметова, 48;
timofko@gmail.com

Lidiya A. Parkhomchik, Eurasian Research Institute, Almaty, Kazakhstan; bld. 48, Mametova str., Almaty, 050004, Kazakhstan;
timofko@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Языковая политика Украины как источник этнополитической дестабилизации

Николай П. Медведев^а, Лев Н. Краснов^б

^аРоссийский университет дружбы народов, Москва, Россия,

medvedev_rudn@mail.ru

^бРоссийский университет дружбы народов, Москва, Россия,

lev.krasnov@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния языковой политики на политическую стабильность на Украине. В статье исследованы современные положения законодательства Украины, связанные с развитием языковой политики, а также положения последних законопроектов о статусе языков на территории Украины. Авторами проанализированы тенденции развития языковой политики, являющиеся источником дестабилизации в современной Украине.

Проблема этнополитической стабильности становится одной из ключевых для современного украинского государства. Этот вопрос встал в один ряд с социально-экономическими вопросами и внешнеполитическим взаимодействием. Его научный анализ необходим для определения влияния государственной языковой политики, реализуемой на Украине, на развитие всех регионов страны, которые имеют значительные отличия по своему национальному составу, истории развития и традициям. В этом контексте, исследование данного вопроса имеет не только теоретическую, но и практическую значимость.

Одним из законопроектов регулирующих языковую сферу предполагается, что иностранные граждане, которые намерены получить украинское гражданство, должны будут сдавать экзамены на знание украинского языка. Необходимый уровень владения им будет определять национальная комиссия по стандартам украинского языка. Она будет создана в случае принятия законопроекта парламентом. На данную комиссию будет возложена задача по определению необходимого уровня владения государственным языком при занятии определенных должностей.

Законопроект предусматривает введение обязательного использования государственного украинского языка для различных органов власти. При этом, на украинском языке должна вестись не только документация, но и предвыборная агитация, которая производится за счет государственного бюджета.

Основные тенденции которые происходят в языковой сфере Украины показывают, что они являются частью процессов, которые происходят во всех бывших республиках СССР. Возрождение интереса к национальному языку, национальной культуре, стремление расширить социальные функции национального языка в разных сферах общения в каждом из новых независимых государств отражает процесс утверждения государственности.

Ключевые слова: политическая стабильность, этнополитическая дестабилизация, языковая политика, конфликты, межнациональные отношения, национальные меньшинства, украинизация

Для цитирования: Медведев Н. П., Краснов Л. Н. Языковая политика Украины как источник этнополитической дестабилизации. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(2):161–169. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-161-169>

Language Policy of Ukraine as a Source of Ethno-Political Destabilization

Nikolay P. Medvedev^a, Lev N. Krasnov^b

^a*The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,*
medvedev_rudn@mail.ru

^b*The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,*
lev.krasnov@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the study of the influence of the language policy on political stability in Ukraine. The article examines the current provisions of the Ukrainian legislation related to the development of language policy, as well as the provisions of the latest draft laws on the status of languages in Ukraine. The authors have analyzed recent trends in the development of language policy, which are a source of destabilization in modern Ukraine.

The problem of ethno-political stability becomes one of the key problems for the modern Ukrainian state. This issue was on a par with socio-economic issues and foreign policy interaction. Its scientific analysis is necessary to determine the impact of the state language policy implemented in Ukraine on the development of all regions of the country, which have significant differences in their national composition, history and traditions. In this context, the study of this issue has not only theoretical but also practical importance.

One of the draft laws regulating the language sphere assumes that foreign citizens who intend to obtain Ukrainian citizenship will have to take exams in the Ukrainian language. The required level of proficiency will be determined by the national Commission on the standards of the Ukrainian language. It will be created if the bill is passed by Parliament. This Commission will be entrusted with the task of determining the necessary level of proficiency in the state language for the persons willing to occupy certain positions.

The bill provides for the introduction of mandatory use of the state Ukrainian language by various authorities. It provides for the use of the Ukrainian language not only for documentation, but also for pre-election campaigns carried out at the expense of the state budget. The main trends that occur in the language sphere of Ukraine prove that they are part of the processes that occur in all the former republics of the USSR. They include the revival of interest in the national language and national culture, the desire to expand the social functions of the national language in different spheres of communication in each of the newly independent states and constitute a part of the process of statehood assertion.

Keywords: political stability, ethno-political destabilization, language policy, conflicts, interethnic relations, national minorities, Ukrainization

For citation: Medvedev N.P., Krasnov L.N. Language Policy of Ukraine as a Source of Ethno-Political Destabilization. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(2):161–169. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-161-169>

ВВЕДЕНИЕ

За прошедшие двадцать семь лет после разрушения единого политического пространства на территории бывшего Союза ССР наиболее устойчивыми до последнего времени остаются культурные связи. Культурное пространство, создаваемое в Российской империи, а затем в СССР, многими десятилетиями и веками пронизывает не только уровень общественных и политических отношений, но и отношения на личностном уровне. Именно эти исторические и социокультурные обстоятельства позволяют русскому языку и сегодня оставаться основной коммуникацией для граждан суверенных государств на всем постсоветском пространстве.

ОГРАНИЧЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

В последние годы, наряду со странами Прибалтики, некоторые бывшие союзные республики стали принимать политические решения по ограничению русскоязычного пространства. Одним из наиболее радикальных стали решения властей Украины по статусу государственного украинского языка и ограничению преподавания русского языка в средней школе. Эти грубые нарушения норм международного права стали одним из источников политической дестабилизации в некоторых русскоговорящих областях и, особенно, на Юго-Востоке Украины [1].

Учитывая то, что проблемы этнополитической стабильности и этносепаратизма становятся для современной Украины од-

ной из самых актуальных и злободневных, наряду с социально-экономическими и международными вопросами, научный анализ влияния государственной языковой политики на стабильное развитие всех регионов и областей Украины имеет не только теоретическую, но и практическую значимость.

В связи с этим отметим проводимую на Украине так называемую государственную языковую экспансию — стремление распространить свой язык путем объявления его государственным (общенациональным) на чужую языковую общность. Обычно это обосновывается тем, что коренные жители должны иметь возможность реализовать свое право пользоваться государственным языком, а иноязычные жители той или иной области должны брать на себя обязанности знать государственный язык в том случае, если это входит в перечень их служебных обязанностей. Конечно, здесь языковая компетенция индивида как бы соприкасается с запретом на профессию, поскольку предполагается, что индивид не может занять ряд официальных должностей без хорошего знания государственного языка. Это порождает социальную напряженность среди иноязычного (прежде всего русскоговорящего) населения.

Если суммировать основные тенденции, связанные с языковой реформой не только Украины, но и большинства других бывших республик Союза ССР, то можно сказать, что наблюдается возрождение интереса к национальным языкам и национальным культурам, стремление расширить социаль-

ные функции национальных языков в разных сферах общения. Это — возрождение традиционных культурно-языковых традиций, в частности, в ряде случаев, обусловленных и религиозными моментами [2].

ОПАСНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В большинстве новых государств постсоветского пространства языковая политика сводится к признанию вопреки мировой практике верховенства языковых прав народа, нации над языковыми правами личности, преувеличение роли национальных языков в обществе, стремление приписать несвойственные им функции, например, обязательную функцию языка межнационального общения в республике. К этому можно отнести и стремление законодательно регулировать сферы спонтанного общения, например, межличностное национальное общение, сфера семейного общения.

Общеизвестно, что для успешного функционирования того или иного языка в качестве государственного необходимо, чтобы им владели целые социальные слои населения (государственные служащие, работники сферы обслуживания, образования, культуры и др.). Таким образом, в многонациональных областях Украины языковая проблема при оформлении атрибутов государственности становится всеобщей, поскольку она актуальна как для части национального населения, плохо владеющего родным украинским языком, так и для иноязычного населения.

В многонациональных регионах Украины стремление к созданию социальной потребности в использовании того или иного языка (речь идет, прежде всего об украинском) путем придания ему юридического статуса государственного может привести к этнополитическим конфликтам. Давно доказано, что вероятность национально-языковых конфликтов особенно возрастает

в тех случаях, когда реализация законов о языках формируется или же функционально недостаточно развитый язык, которым не владеет даже значительная часть его носителей, навязывается представителям другого народа.

Поэтому важно в государственной национальной политике в языковой области определить ее основные параметры, прежде всего, с учетом норм международного права и мировой практики, при этом важно обеспечить дифференцированный подход к языковой ситуации во всех многоязычных регионах Украины [3].

Вместе с тем, органы государственной власти Украины вместо стабилизации ситуации в этой сфере принимают такие радикальные решения националистического толка, которые еще больше раскалывают общество по этноязыковому признаку.

РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ

В 2017 году в парламенте Украины было зарегистрировано три законопроекта, регулирующих использование украинского языка как государственного на территории страны. В частности, был зарегистрирован законопроект «О государственном языке», согласно которому предусматривается использование украинского языка на всей территории страны в большинстве сфер общественной жизни без учета прав национальных меньшинств на использование своего родного языка.

Некоторые авторы данных законопроектов предлагают сделать использование украинского языка обязательным во всех сферах государственной, общественной жизни, а также в средствах массовой информации. Предлагается обязать каждого гражданина Украины знать и владеть украинским языком. Правда, при этом свободно говорить на государственном языке обязаны будут не все, проживающие на тер-

ритории Украины, а только госслужащие, дипломаты, судьи, адвокаты, нотариусы, учителя и медработники, офицеры, служащие по контракту, а также другие сотрудники государственных и коммунальных учреждений.

Кроме того, законопроектом планируется, что иностранные граждане, желающие получить украинское гражданство, должны будут сдавать экзамены на знание украинского языка. Необходимый уровень владения им будет определять национальная комиссия по стандартам украинского языка, которую предстоит создать, если законопроект будет принят парламентом. Также эта комиссия будет определять и необходимый уровень владения государственным языком для занятия определенных постов и должностей. Например, у кандидата в президенты Украины будут требовать сертификат на знание украинского языка. Помимо того, нормами документа предлагается ввести обязательное использование государственного украинского языка и в период выборов различных органов власти. При этом, будут на украинском языке не только документация и бюллетени, но и предвыборная агитация, которая производится за счет госбюджета.

Данный законопроект предусматривает формирование специального института уполномоченного по защите государственного украинского языка. Его будет назначать правительство сроком на пять лет. Уполномоченному будут помогать в работе 27 языковых инспекторов. Каждый сможет пожаловаться уполномоченному, если его права на получение информации на украинском языке были нарушены. Если этот законопроект будет принят, то такие письменные жалобы можно будет подавать на протяжении двух лет с момента выявления нарушения. Языковой инспектор будет изучать подобные инциденты на местах, составит протокол и получит право привлекать

нарушителей к административной ответственности. Например, за неиспользование чиновниками украинского языка им будет грозить штраф от 200 до 400 необлагаемых налогом минимумов доходов граждан (от 3400 гривен до 6800 гривен). Естественно, такая государственно-языковая диктатура становится изначально дестабилизирующим фактором, так как затронет достаточно большие общественные слои.

В законопроекте предлагается на государственном украинском языке также и учить во всех учебных заведениях. При этом в учебных заведениях национальных меньшинств вместе с украинским языком может использоваться определенный язык национальных меньшинств, но порядок использования негосударственного языка в учебных заведениях будет прописан в законе «О правах лиц, которые относятся к национальным меньшинствам», проект которого также находится в разработке. Следует подчеркнуть, что эта правовая норма не совсем вписывается в рамки требований Европейской хартии «О региональных языках или языках национальных меньшинств», которую Украина в свое время ратифицировала [4].

Законопроектом предусматривается, что развлекательные и культурные мероприятия также должны будут проводиться на государственном языке. Украинский язык также будет языком телевидения и других СМИ. Передачи на других языках должны дублироваться на государственном украинском языке. Если во время прямого эфира один из участников говорит на другом языке, то должен быть обеспечен украинский перевод его слов. Исключением являются песни. Собственникам печатных СМИ будет позволено издавать свои периодические издания в нескольких языковых версиях, одна из которых — обязательно украинская. При этом она должна занимать не менее половины от всего тиража. Если

документ будет одобрен парламентом Украины, то эти нормы вступят в силу через год после принятия закона.

Наиболее политически радикальным является правовая норма законопроекта, в соответствии с которым попытка внедрения официального многоязычия приравнивается к попытке свержения государственного строя Украины, а за это уже может грозить до 10 лет лишения свободы. Документом предусматривается также отмена закона «Об основах государственной языковой политики», принятого в 2012 году.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ

Это не единственная законодательная инициатива в языковой сфере, которую депутаты предложили на рассмотрение украинскому парламенту. В Раде зарегистрировано три законопроекта, регулирующих использование разных языков и украинского как государственного в современной Украине. Так, например, отличие законопроекта «О функционировании украинского языка как государственного и порядок применения других языков в Украине», который зарегистрировала группа из семи депутатов, отличается от выше рассмотренного проекта тем, что в документе уже прописан механизм защиты языков национальных меньшинств. Его авторы также предлагают ввести институт уполномоченного по защите украинского государственного языка. Но, при этом, его сфера ответственности будет касаться и того, как используются языки национальных меньшинств в стране, и не нарушаются ли их права в языковой сфере. В другом законопроекте «О языках в Украине», который был внесен еще в конце 2016 года, фактически был зафиксирован только порядок использования языков в стране.

В концепции любой языковой реформы важное место занимает ее прогностическая часть. И в этой связи, приведем интересные

соображения, разработанные в свое время Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской Академии Наук для республик постсоветской России. Но, эти рекомендации смело можно распространить для всех бывших Республик Союза ССР. По мнению этого центра, возможны следующие варианты дальнейшего развития национально-языковых отношений.

Первый — это взвешенный, реалистический вариант. В республиках, в которых приняты или же обсуждаются Законы о языках, наряду с признанием государственным языка коренной национальности, признается государственным или языком межнационального общения русский язык. Таким образом, законодательно закрепляется национально-русское двуязычие, что помогает плавно, постепенно повышать языковую компетенцию населения в сфере применения государственного языка республики, поэтапно в соответствии с целесообразностью расширять его функции. Требования к знанию языков внедряются в жизнь при наличии достаточного срока для их освоения, путем постановки социальной перспективы перед обучающейся молодежью, а также путем повышения интереса иноязычного населения к культуре и языку местного населения. При таком варианте развития необходимо хорошее развитие материальной основы обучения государственному языку, что будет создавать благоприятные условия бесконфликтного развития национально-языковых отношений.

Второй — экстремистский вариант «языковой экспансии». Он связан с развитием националистических, сепаратистских настроений, игнорированием сложившихся реалий, а отчасти и желанием использовать языковую проблему в политических целях. Этот вариант предполагает установление жестких сроков введения в разные сферы

общения государственного языка, игнорирование реальных социальных потребностей языкового сообщества, недостаточный учет языковых притязаний некоренных жителей, постановку языковых прав нации над языковыми правами личности. Этот вариант чреват национальными конфликтами со всеми негативными социальными последствиями: столкновением интересов разных национальных групп, повышением уровня миграции, ущемлением языковых прав некоторых жителей, национальных меньшинств и т. д.

НАКОПЛЕННЫЙ ОПЫТ

Сейчас на Украине действует закон «Об основах государственной языковой политики» от 3 июня 2012 года, который разрешает использование двух языков (украинского и русского) в 13 из 27 регионов страны. Статьей 10 Конституции Украины установлено, что государственным языком в Украине является украинский язык. В то же время украинское государство гарантировало свободное развитие, использование и защиту русского языка и других языков национальных меньшинств на территории Украины. При этом пока правовые основы государства способствуют изучению языков международного общения, а применение языков в Украине гарантируется Конституцией Украины и определяется специальным законом.

В 2012 году Верховной Радой Украины по инициативе депутатов от Партии регионов был принят Закон «Об основах государственной языковой политики». Действие закона носило обязательный общенациональный характер и основывалось на результатах данных вопроса о родном языке, который задавался в ходе переписи населения Украины при условии достижения языком планки в 10 %.

Политический процесс в Украине за последние два десятилетия развивается скач-

кообразно. 23 февраля 2014 года, сразу же после известных событий на Украине, Верховная Рада проголосовала за отмену этого закона, что вызвало негодование органов местного самоуправления в регионах, воспользовавшихся возможностями, которые предоставлял отмененный, но не вступивший в силу закон. 3 марта 2014 года и.о. Президента Украины Александр Турчинов заявил, что не подпишет решение парламента об отмене закона о языковой политике до тех пор, пока Верховная Рада не примет новый закон. Таким образом, в настоящее время данный Закон не отменен и является действующим. И эта неопределенность стала еще одним фактором радикализации государственной языковой политики в Украине.

Активная борьба со всем русским, а также советским началась на Украине в 2014 году сразу после событий на «майдане». Тогда депутаты Верховной Рады требовали запретить русский язык, а также всю коммунистическую символику, напоминающую о советском прошлом.

В последние годы в Украине «происходят разнообразные процессы, связанные с региональной дифференциацией страны, а также проводимой политикой украинизации. Этим, в частности, и обусловлена важнейшая роль языковой политики (в первую очередь, в отношении русского языка) — фактора, который может как обеспечить политическую стабильность на Украине, так и дестабилизировать этноязыковую ситуацию.

При этом, очевидно, что «соблюдение равновесия между представителями различных этнических общностей, защита прав национальных меньшинств — показатели развитого современного демократического общества» [5].

При этом российские политики уже называли новую инициативу украинских депутатов «лингвистическим геноцидом»,

а представитель Киева в гуманитарной подгруппе по Донбассу Виктор Медведчук заявил, что «рассмотрение законопроекта об исключительном использовании украинского языка почти во всех сферах жизни грозит перерасти в международный скандал». «Их юридические новации, противоречащие Конституции Украины и дискриминирующие значительную часть граждан страны ради реализации националистических идей, стали уже не только внутренней проблемой Украины, но и поводом для международного скандала», — отмечал В. Медведчук. Политик привел слова главы МИД Венгрии Петера Сийярто, который, комментируя украинские законопроекты о языке и образовании, заявил, что власти Венгрии «не потерпят никаких поправок — ни к закону об образовании, ни к закону об использовании языка, которые ухудшили бы положение меньшинств». В противном случае этот вопрос будет поднят на уровне ЕС. В то же время, данным законопроектом украинская власть просто отвлекает внимание населения от социально-экономических проблем.

Вместе с тем, следовало бы и не забывать, что Украина ратифицировала Европейскую Хартию «О региональных языках и языках национальных меньшинств». Эта Хартия по существу представляет собой европейский стандарт культурно-языковой политики, одним из основных принципов которого является сохранение и развитие

богатства и разнообразия культурного достояния Европы и развивает положения о языковых правах, содержащиеся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывают последние события в Украине, связанные с законодательными ограничениями при обучении в школах для языков национальных меньшинств, наряду с Россией, такие европейские страны, как Болгария, Венгрия и Польша выступили с резкой критикой государственной языковой политики Украины и потребовали его привести в соответствие с требованиями норм международного права. И хотя радикальных перемен в языковой политике Украины в ближайшее время ожидать не следует, но корректировать позиции официальным властям в этой сфере, видимо, придется [7].

Следует подчеркнуть, что этноязыковая политика для новых государств постсоветского пространства становится одной из самых сложных при принятии политических решений по утверждению статуса государственного языка, так как вековая культура и межкультурные связи с русским языком и культурой глубоко укоренились в сознании народов бывшего Союза ССР. Поэтому любые решения властей становятся источником этнополитической дестабилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведев Н. П., Насиновский В. Е., Скакунов Э.И. К концепции решения конфликтов в постсоветский период. Москва: Сельская молодежь; 1995. 33 с.
2. Жильцов С. С., Воробьев В. П., Шутов А. Д. Эволюция политики России на постсоветском пространстве. Москва: Восток-Запад; 2010. С. 164.
3. Медведев Н. П. Перкова Д. В. Постсоветский этнополитический процесс: проблемы языковой политики. Москва: Издательский дом МИСиС; 2014. С. 116.

4. Медведев Н. П. СНГ: проблемы постсоветской реинтеграции. *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2015;1-2:131-52.
5. Кетцян Г. В. Этноязыковая политика как институциональный фактор развития межнациональных отношений на постсоветском пространстве (на примере России, Армении и Украины). Дис. ... канд. полит.наук. Москва. Российская государственная библиотека; 2011. 175 с.
6. Дробижева Л. М. К вопросу о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2013;2:25-30.
7. Медведев Н. П. Этнополитическая регионализация СНГ. *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2016;2:76-82.

REFERENCES

1. Medvedev N.P., Nasinovsky V.E., Skakunov E.I. Concerning the Conflict Settlement Concept in the Post-Soviet Period. Moscow: Sel'skaya Molodezh; 1995. 33 P. (In Russ.)
2. Zhiltsov S.S., Vorobiov V.P., Shutov A.D. Evolution of the Russian Policy in the Post-Soviet Space. Moscow: East-West; 2010. P. 164. (In Russ.)
3. Medvedev N.P., Perkova D.V. Post-Soviet Ethno-Political Process: Language Policy Issues. Moscow: MISiS Publishers; 2014. P. 116. (In Russ.)
4. Medvedev N.P. CIS: Issues of the Post-Soviet Reintegration. *Eurasian Union: International Relations Issues*. 2015;1-2:131-52. (In Russ.)
5. Katzyan G.V. Ethnolanguage Policy as an Institutional Factor of Development of Interethnic Relationships in the Post-Soviet Space. Case Study of Russia, Armenia and Ukraine. Dissertation ... Candidate of Political Science. Moscow. Russian State Library; 2011. 175 P. (In Russ.)
6. Drobizheva L.M. About the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation. *Issues of the National and Federative Relationships*. 2013;2:25-30. (In Russ.)
7. Medvedev N.P. CIS Ethno-Political Regionalistics. *Eurasian Union: International Relations Issues*. 2016;2:76-82. (In Russ.)

Статья получена 21.04.2018

Received 21.04.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николай П. Медведев, Доктор политических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
medvedev_rudn@mail.ru

Лев Н. Краснов, Кандидат политических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
lev.krasnov@gmail.com

Nikolay P. Medvedev, Doctor of Political Sciences, The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198;
medvedev_rudn@mail.ru

Lev N. Krasnov, Candidate of Political Sciences, The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198;
lev.krasnov@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Межнациональное взаимодействие в контексте политических процессов постсоветской России: структурно-институциональный анализ

Валентина А. Матвиенко

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия,

vamatv@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены основные проблемы межнационального взаимодействия в политическом пространстве постсоветской России. За последние годы актуальность подобной исследовательской проблематики не утратила своего значения, а, напротив, существенно увеличилась. Периодически повсеместно наблюдается рост конфликтов на межнациональной, межэтнической почве, что свидетельствует об определенных недостатках и недоработках в оценке состояния межнационального взаимодействия. Одной из причин является отсутствие единой позиции на обозначенную проблему среди научного сообщества. В настоящей статье в рамках анализа реально существующих научных концепций и направлений автором представлены наиболее распространенные точки зрения и взгляды. На содержание межнационального взаимодействия в политическом пространстве современной России оказало влияние множество различных факторов: советское «наследство», включение национальных меньшинств в культурное пространство гражданской нации, наличие широких возможностей для сохранения национальной самобытности и т.п. Результаты анализа перечисленных факторов могут применяться для оценки потенциала межнационального взаимодействия, что позволит спрогнозировать их общественно-политическую значимость и выявить возможные очаги межнациональной конфликтности. В статье рассмотрены вопросы об участии государства в оптимизации межнациональных отношений, исследованы основные направления деятельности органов государственной власти в этой области, изучены стратегические документы и целевые программы, обозначены позиции ведущих российских политических деятелей на данную проблему.

Ключевые слова: политическое пространство, нация, межнациональное взаимодействие, национальная политика, постсоветское пространство, органы государственной власти

Для цитирования: Матвиенко В. А. Межнациональное взаимодействие в контексте политических процессов постсоветской России: структурно-институциональный анализ. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(2):170–180. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-170-180>

International interaction in the context of political processes of post-Soviet Russia: structural and institutional analysis

Valentina A. Matvienko

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia,

vamatv@mail.ru

Abstract: The article reviews the main problems of international interaction in the political space of post-Soviet Russia. This research topic has been a burning and vital issue of the day over the last years. Moreover, it has become even more significant and urgent nowadays. From time to time the number of racial tensions and inter-ethnic conflicts is increasing everywhere. This fact is likely to indicate some disadvantages and faults of evaluating the state of international interaction. One of the reasons why it happened is the fact that scholars have not come to an agreement about this issue yet. Having thoroughly examined the current scientific theories and research areas, the author of the article took into consideration the most popular and widespread points of view on the problem. Such factors as the soviet «heritage», integration of ethnic minorities into the cultural space of civil nation, a great many opportunities for preserving national identity, etc. influenced the principles of international interaction in the political space of modern-day Russia. The results of the analysis of the above mentioned factors can be put into practice with a view to assess the potential of international interaction which will let predict their social and political importance and reveal possible flash seats of conflictogenity. The author's attention is focused on considering the issues of the role of the government in the optimization of inter-ethnic relations. The main fields of concern of public authorities have been investigated. Policy papers and special-purpose programmes have been scrutinized. The author has also outlined the leading political figures' attitude to this acute problem.

Keywords: political space, nation, international interaction, national policy, post-Soviet states, public

For citation: Matvienko V.A. International interaction in the context of political processes of post-Soviet Russia: structural and institutional analysis. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(2):170–180. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-170-180>

ВВЕДЕНИЕ

В сформировавшемся на сегодняшний день политическом пространстве межнациональные отношения выступают тем катализатором, который активизирует политическую жизнь, предаёт ей определенную динамику, включая в неё большие группы

населения, трансформируя политическое сознание и поведение.

Политические процессы на постсоветском пространстве к настоящему времени приобрели сложный и противоречивый характер, что, в свою очередь, повлекло за собой неоднозначность в определении и

анализе национальной и межнациональной проблематики, с целью их гармонизации в будущем.

Тщательное изучение возможностей межнационального взаимодействия в контексте современных политических процессов на постсоветском политическом пространстве уместно распределить на несколько исследовательских этапов.

На *первом этапе* необходимо рассмотреть современное состояние межнациональных отношений в отдельных государствах в их соотношении с многообразием форм межэтнического общения внутри этих стран, а затем проследить это соотношение в контексте включения в мировой политический процесс.

На *втором этапе* следует проанализировать перспективы развития и механизмы оптимизации межнационального взаимодействия.

Третий этап предполагает построение прогностических моделей видоизменения этих конфликтогенных процессов в межэтническом взаимодействии с использованием при их осуществлении принципов и способов управления ими с целью их улучшения и предотвращения конфликтов в обозримом будущем.

Поворотным пунктом, без которого было бы невозможно научно ориентированное исследование обозначенной проблематики, является распад СССР. Это событие стало отправной точкой в развитии всех тех государств, которые образовались на постсоветском пространстве. Следствием чего явилось конструирование сложносоставного политического пространства, состоящего из нескольких взаимосвязанных плоскостей, позволяющих говорить о многоаспектности данного явления. В качестве базовых критериев для разделения на эти плоскости чаще всего выступают географические и культурные факторы.

Отдельную нишу в этом делении занимают взаимоотношения с Россией. Определяющим принципом в контексте формирования политических процессов на постсоветском пространстве стал и тот факт, что большинство вновь образованных государств было создано на основе конкретных этносов, трансформировавшихся затем в этнонации с последующим вовлечением в них всех национальностей.

Уже существующие и вновь возникшие государства усиливают и строят новые способы межнационального взаимодействия, что способствует возникновению многих препятствий. Они имеют особенно сложный характер в том случае, когда нация имеет непростую структуру и включает в себя множество языковых, религиозных и этнических групп. В условиях построения новых способов и новых схем межнациональных отношений особое значение имеет определение роли и места в них отдельного индивида и всего общества в целом.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СПЕЦИФИКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из специфических черт современного политического процесса постсоветской России стало обращение к вопросам межнационального взаимодействия. Обозначенная проблематика на разных этапах развития общества становилась объектом пристального внимания со стороны различных областей научного знания, представителей политической элиты, общественных и международных организаций.

Оценка присутствия объединяющих элементов общечеловеческой культуры в каждой национальной культуре — это реальная основа для взаимодействия, и возможно, — последующей межнациональной интеграции.

Характеристика межэтнического взаимодействия на всём постсоветском пространстве имеет сложившийся алгоритм его оценки. Он включает в себя анализ деятельности наибольшего числа его участников, которые собственно и устанавливают между собой различные типы взаимодействия — от согласия, до определенной степени взаимопонимания, и, наконец, до открытого противостояния.

В конце XX века события, происходившие в общественной и политической жизни большинства государств (распад Югославии, демонтаж СССР, разделение Чехословакии на чешское и словацкое государства, нарастание сепаратизма), стали причиной образования самостоятельной научной дисциплины — этнополитологии, возникшей на границе этнологии и политологии. Формирование данной научной отрасли связано с именами зарубежных ученых К. Шора, С. Райта, Ф. Т. Барта, М. Парентти и многих других. Ф. Т. Барт, автор тезиса о непрекращающемся «пересмотре границ» между этносами, выступал против их трактовки как культурно изолированных общностей, членство в которых обусловлено изначальными узлами [3]. Поэтому при определении нации автор предлагает руководствоваться только одним субъективным критерием: воспринимают ли ее члены себя в этом качестве, объединяет ли их общий принцип — «политический долг членов нации выше прочих общественных обязанностей». Согласно взглядам Э. Дж. Хобсбаума, «состояние национального вопроса определяется взаимным влиянием политики, социокультурных технологий и социальных трансформаций» [15].

В отечественной науке интерес к вопросам межнациональных отношений был всегда актуален. Изначально российская государственность формировалась как государство многонациональное, многокон-

фессиональное. Талантливые правители и политики всегда осознавали, что нельзя грамотно и эффективно управлять Россией, не поняв сущности национального вопроса и межнациональных отношений. Эти мысли нашли отражение в работах русских мыслителей прошлого, таких как Н. Бердяев, Л. Гумилев, В. Зеньковский и Н. Лосский, В. Соловьёв и другие.

В спорах о национальном вопросе и русской идее В. Соловьёв частично продолжает линию, достаточно распространенную среди общественных кругов того времени, согласно которой полноценное развитие нации, возможно лишь при условии знания собственных корней и истоков [2]. Исторiku Л. Гумилеву принадлежит оригинальный и нетрадиционный взгляд на проблемы национальности, национальной государственности, которые он озвучивал в рамках своей теории этногенеза. Н. Бердяев подчеркивал необходимость единства национального сознания для всех слоев и социальных групп.

Большое количество работ, сложившиеся научные школы и исследовательские направления свидетельствуют о том, что не только в прошлом, но и в настоящем данная проблематика стала приоритетной для многих специалистов, работающих в этой области. Важность оптимизации межнационального взаимодействия для современного российского общества сложно переоценить, так как в решении практически любого социального или политического конфликта данный фактор всегда выступает как один из определяющих. Современная Россия оказалась перед лицом новых реалий в области межнациональных отношений, такими как рост миграции из стран СНГ и соседних государств, усиление националистических настроений среди представителей отдельных народов российского государства, которые в любой момент мо-

гут стать очагами межнациональной напряженности.

Этот непростой вопрос требует осмысления и практического устройства, и в этом смысле межконфессиональный диалог имеет свою перспективу. Наука о диалоге обладает существенной особенностью: она в равной мере и исследует диалог, и творит его.

Исследование межнационального взаимодействия в современной России невозможно выполнить без обращения к политической традиции освящения этой проблемы, сформировавшейся под воздействием различных факторов (социально-экономических, культурологических, политических, исторических и др.)

Большое значение для разработки концептуальных основ исследования межнациональных отношений имеют научные труды таких отечественных авторов, как Р. Г. Абдулатипов, О. А. Бельков, К. М. Бородай, Л. М. Дробижева, В. А. Тишков и других.

Главным вектором научных изысканий в постсоветской России стали попытки унификации идей и взглядов на определение структурных элементов межнационального взаимодействия. Распространенной была ситуация с взаимной подменой и путаницей в использовании таких терминов, как «национальная политика», «этнополитика», «нация», «этнос», «этнокультурная политика» и т. д. Сложилось несколько подходов к исследованию данной проблемы. Основным критерием для их различения стал количественный, а затем и качественный анализ наций и этносов, включенных в исследовательское поле.

Российский ученый и политический деятель Р. Абдулатипов, считающийся ведущим российским теоретиком в области межнациональных отношений и национальной политики, впервые ввел понятие «нация-этнос», которое означает «исторически сформировавшийся коллектив людей

со своей специфической средой обитания, территориальным, культурно-языковым, хозяйственно-бытовым устройством, психологическим, нравственным характером, которые обуславливаются соответствующим типом самосознания, идентичности, солидарности и мобилизованности» [1].

О. В. Козлова, во многом придерживаясь взглядов Р. Г. Абдулатипова, считает, что «национальная политика это политика, направленная на урегулирование взаимоотношений между нациями» [7].

Собственная интерпретация межнациональных отношений сложилась у исследователей В. А. Тишкова и Ю. П. Шабаева, которые акцентируют внимание на том факте, что «предметом этнополитологии являются источники, побудительные мотивы и закономерности формирования этнонациональной политики, модели и механизмы ее реализации, идеология и практика этнополитических движений и организаций и движений, этнополитические ориентации населения и формы их выражения» [14].

В своих исследованиях один российский политолог Д. В. Драгунский определил этнополитику как «процесс взаимодействия достаточно больших групп населения» [4], а другой политолог Л. Б. Кристаллинский пришел к выводу, что «этнополитика — это сфера возникновения и развития политических процессов ...» [6].

Обозначенные проблемы нуждаются в постоянном контроле и наблюдении, в том числе и с использованием соответствующего научно-методологического и методического инструментария, включающего в себя различные комплексы сбора и анализа сведений о состоянии межнационального взаимодействия.

Политическая действительность показывает, что только пристальное внимание со стороны заинтересованных лиц и организаций, систематический мониторинг, по-

вышают эффективность всех мероприятий, направленных на улучшение межнациональных отношений.

РОССИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Обозначенная схема межнационального взаимодействия в Российской Федерации, рассматривается как отдельная сложносоставная сконструированная плоскость постсоветского пространства, имеющая особое влияние из-за своего доминирующего положения в нём и ставшая правопреемницей советской системы межнационального взаимодействия.

В основу межнациональных отношений современной России положен ряд важнейших документов, разработанных и принятых в постсоветский период, в полной мере отражающих реалии настоящего времени.

Первоначально таким документом являлась Концепция национальной политики Российской Федерации 1996 г., которая ставила перед собой ряд задач в частности, гармонизации межэтнических отношений в условиях распада Советского Союза и обострения конфликтов на межэтнической почве. Концепция носила временный характер и была рассчитана на переходный период, хотя в реальности просуществовала более длительное время.

Впоследствии, в рамках известных апрельских тезисов, была принята Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года. Новый документ носит доктринальный характер, призванный формировать политику государства по отношению к народам, проживающим на территории Российской Федерации в новых политических реалиях. Стратегия государственной национальной политики расширила спектр политических акторов национальной политики, включив

в их число органы государственной власти, органы местного самоуправления, институты гражданского общества. Этот документ определил спектр тех объектов, на которые собственно и направлена государственная национальная политика (народы России, государство, общество, человек, гражданин).

В 2013 г. Правительством Российской Федерации была разработана и утверждена федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)».

Вопросы поддержания межнационального согласия вызывают пристальный интерес у представителей всех уровней государственной власти. В декабре 2017 г. на большой пресс-конференции Президент России В. В. Путин отметил, что «остроты в национальном вопросе нет и необходимо обеспечить равные возможности для изучения родного языка» [12]. И ещё одна более ранняя цитата В. В. Путина из статьи «Россия: национальный вопрос»: «Национальная политика не может писаться и реализовываться исключительно в кабинетах чиновников. В ее обсуждении и формировании должны непосредственно участвовать национальные, общественные объединения» [13].

Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев в сентябре 2016 г. в интервью программе «Вести в субботу» телеканала «Россия» отмечал: «Нам нужно сохранить все достижения последнего периода именно с точки зрения спокойствия, гражданского мира, межнациональных отношений, межконфессиональных отношений» [9]. По мнению Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко, «...в сфере межнациональных отношений есть целый ряд других, не менее важных

вопросов, требующих глубокого осмысления, взвешенных политических решений, практической работы органов государственной власти по их осуществлению» [8].

В органах государственной власти РФ традиционно существуют два центра, где сконцентрирована работа по проблемам межнациональных и межконфессиональных отношений — это правительство и администрация президента [5].

При Правительстве эти вопросы находятся в ведении таких структур, как: Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ (разработка для кабинета министров «предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений»); Федеральное агентство по делам национальностей, созданное в марте 2015 г. (реализация государственной политики в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений); Правительственная комиссия по миграционной политике (согласование действий заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации единой государственной миграционной политики) и ряд других.

Параллельно с правительственными ведомствами проблемы межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений в РФ также курируют следующие подразделения Администрации Президента РФ: Управление Президента по внутренней политике (обеспечивает взаимодействие главы государства с общественными и религиозными объединениями, иными структурами гражданского общества и не только); Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (подготовка для президента РФ предложений по вопросам политики в области межконфессиональных

отношений, а также «повышения духовной культуры общества»); Совет по межнациональным отношениям при президенте РФ (подготовка для главы государства предложений по определению и развитию приоритетных направлений государственной национальной политики).

Межнациональное взаимодействие в Российской Федерации осуществляется в рамках национальной политики, в основе которой находятся традиции российской государственности, принципы федерализма и гражданского общества.

Главной целью оптимизации межнациональных отношений в постсоветской России является построение эффективной модели межнационального взаимодействия и общегражданской идентичности.

Комплексный план действий по гармонизации межнациональных отношений в современной России направлен на решение следующих задач:

- опираясь на теоретические знания и практический жизненный опыт, своевременно реализовывать модели согласования национального взаимодействия с использованием экономических, политических, демографических, правовых приемов;
 - создавать благоприятные условия, способствующие свободному развитию каждого народа, населяющего современную Россию, раскрытию его духовного потенциала, сохранению национального многообразия, несмотря на различные взаимовлияния и достижения прогресса.
- Обозначенные задачи, с учетом федеративного характера российской государственности, большого культурного многообразия и уникальности региональных национально-этнических и социально-экономических процессов, реализуются и на уровне субъектов РФ.

С учетом этого при исследовании межнационального взаимодействия в контексте политических процессов в постсоветской России, на федеральном и региональном уровне, необходимо принимать во внимание комплекс параметров.

К группе политических и нормативно-правовых компонентов относятся: наличие качественных региональных законов, концепций и стратегий национально-этнической политики, принятых и действующих с учетом региональной специфики; существование комплексных программ региональной национальной политики, разработанных в соответствии с потребностями регионов; инкорпорация элементов региональной национальной политики в другие направления политики, например, образовательной, социальной, молодежной и т. п.; претворение в жизнь мероприятий, способствующих налаживанию межнациональных отношений (национальные праздники и фестивали, дни национальной культуры и т. п.).

К группе управленческих и структурно-институциональных компонентов относятся: существование в структуре федеральных и региональных государственных органов исполнительной и законодательной власти институтов, общественных организаций и советов, которые наблюдают или непосредственно участвуют в оптимизации межнационального взаимодействия на основе исторического опыта функционирования и профессионализма кадрового состава; наличие эффективно действующих при содействии государства региональных центров развития межнациональных отношений (Дома дружбы, Дома национальной культуры и т.п.); поддержка национальных СМИ как важнейшего инструмента сохранения самобытности народов, укрепления согласия в обществе; привлечение ответственности, этнических общностей и диа-

спор к оптимизации межнационального согласия; организация и проведение органами государственной власти систематического мониторинга в области межнациональных отношений; отслеживание и контроль возможных межнациональных конфликтов в регионе; прозрачность и открытость в финансировании проектов и мероприятий этнокультурной и межнациональной направленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К настоящему времени в России сложилась вполне эффективная система по обеспечению межнационального взаимодействия, анализ которой позволил нам сделать конкретные выводы:

Во-первых, проведенное исследование позволило уточнить субъектность ответственных за обеспечение межнационального согласия лиц и организаций. К таковым на данный момент относятся: федеральные органы государственной власти, органы власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества в наиболее широком смысле их определения. Особое внимание в последующей разработке, обозначенной в рамках данной проблематики, может стать тщательный анализ деятельности различных институтов гражданского общества по обеспечению межнационального согласия.

Во-вторых, предпринятый анализ помог расширить спектр тех, на кого собственно, и направлено внимание акторов, ответственных за межнациональное взаимодействие на федеральном и региональном уровнях. Кроме государства и соответствующих структур, таковыми являются общество, человек, гражданин. Пристального внимания в будущем требует исследование потенциала различных национальных объединений, представленных национально-эт-

ническими автономиями, землячествами, диаспорами по сохранению положительного состояния межнационального общения, профилактике межнациональных конфликтов и адаптации подрастающего поколения к жизни в многонациональной среде.

В-третьих, систематизированы нормативные документы, являющиеся фундаментом межнационального согласия в современной России. Большинство этих нормативных актов интегрировано в более зрелую российскую правовую систему, регламентирующую межнациональные отношения. Действующая в настоящее время Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года, межотраслевая по своему содержанию, подкреплена широким спектром нормативных и правовых документов вертикального и горизонтального уровней, а также обеспечена целым

рядом федеральных целевых программ, например, Федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [10] и Государственной программой Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (с изменениями на 25 января 2018 года) [11], в рамках которых предусмотрено выделение финансовых средств на реализацию региональных программ подобной направленности.

В целом, несмотря на политическую и научную дискуссионность в постижении содержания межнационального взаимодействия в современной России, её смысл и векторы развития должны быть соотнесены с реальным этнокультурным и социально-политическим контекстом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулатипов Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. Москва: Славянский диалог; 2000. С.143.
2. Атаманова Е. Т. Русская классика и формирование креативной личности в поликультурном пространстве современности. В: Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Развитие креативности личности в современном образовательном пространстве» (Елец, 2016 г.). Елец. ЕГУ им. И. А. Бунина; 2016. С.203
3. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Boston: Little, Brown; 1969. 153 pp.
4. Драгунский Д. В. Модернизационный процесс: национальная самоидентичность и национальное проектирование в современном мире: дис.к. филос. наук. Тверь: Тверской государственный университет; 2002. С.32
5. Какие государственные органы регулируют вопросы межнациональных отношений в РФ с 1991 года [Электронный ресурс]. - URL: <http://tass.ru/politika/1825929> (дата обращения: 24. 02.18).
6. Кристаллинский Л. Б. Этнополитика в пограничном пространстве Российской Федерации: генезис, современное состояние, влияние на государственную безопасность: дис. д. полит.н. Москва: ФГБОУ ВПО «РАН-ХиГС»; 2015. С.67
7. Козлова О. В. Вопрос гражданской идентичности в посланиях президента Российской Федерации (1994–1999). В: материалы XIII Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX века» (Москва, 2014 г.). Москва. Наука: 2014. С. 401.
8. Матвиенко В. Необходимость создания агентства по делам национальностей не вызывает сомнений официальный сайт

- Парламентской газеты издания Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pnp.ru/social/2015/03/16/valentina-matvienko-neobkhodimost-sozdaniya-agentstva-podelam-nacionalnostey-nevyzyvaet-somneniy.html> (дата обращения: 24. 02.18).
9. Медведев Д. А. Майские указы президента будут выполнены! Интервью Д. Медведева программе «Вести в субботу» [Электронный ресурс]. — URL: <https://oko-planet.su/politik/politikrus/335850-medvedev-mayskie-ukazy-prezidenta-budut-vypolneny-intervyu-dmedvedeva-programme-vesti-v-subbotu.html> (дата обращения: 24. 02.18).
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2014 г. N 27 г. Москва «О внесении изменения в федеральную целевую программу “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)”» Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2014/01/17/etnokultura-site-dok.html> (дата обращения: 24. 02.18).
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года №1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (с изменениями на 25 января 2018 года) АО «Кодекс»: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/420388022> (дата обращения: 24. 02.18).
12. Путин заявил, что в России нет никакой остроты в национальном вопросе/ Подробнее на ТАСС [Электронный ресурс]. — URL: <http://tass.ru/obschestvo/4811593> (дата обращения: 24. 02.18).
13. Путин В. В. Россия и национальный вопрос. *Вестник Российской нации*. 2012;2-3:61.
14. Тишков В. А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. Учебник для вузов. Москва: Наука; 2013. С.45.
15. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. Программа, миф, реальность. Пер. с англ. Санкт-Петербург: Алетейя; 1998. С 35 .

REFERENCES

1. Abdulatipov R.G. The national question and the state structure of Russia. Moscow: Slavic Dialogue; 2000. P.143. (In Russ)
2. Atamanova E.T. Russian Classics and the Formation of the Creative Personality in the Multicultural Space of the Present. In: Materials of the interregional scientific and practical conference «Development of Creativity in the Modern Educational Space» (Yelets, 2016). Yelets. YSU them. I.A. Bunin, 2016. P. 205 (In Russ)
3. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Boston: Little, Brown; 1969. P 153.
4. Dragunsky D.V. Modernization process: national self-identity and national design in the modern world: dis. philos. Tver: Tver State University; 2002. P.32 (In Russ)
5. Which state bodies regulate the issues of interethnic relations in the Russian Federation since 1991. — URL: <http://tass.ru/politika/1825929> (date of circulation: 24. 02.18). (In Russ)
6. Kristalinsky L.B. Ethnopolitics in the border area of the Russian Federation: genesis, current state, impact on state security: dis. etc. political. Moscow: FGBOU VPO «RANHiGS»; 2015. P.67 (In Russ)
7. Kozlova O.V. The question of civil identity in the messages of the President of the Russian Federation (1994–1999)/ In: materials of the

- XIII International Scientific Conference «State, society, church in the history of Russia of the 20th century» (Moscow, 2014). Moscow. Science: 2014. P. 401. (In Russ)
8. Matvienko V. The need for the establishment of an agency for nationalities does not raise doubts the official website of the Parliamentary newspaper of the publication of the Federal Assembly of the Russian Federation. — URL: <https://www.pnp.ru/social/2015/03/16/valentina-matvienko-neobkhodimost-sozdaniya-agentstva-podelam-nacionalnostey-nevyzyvaet-somneniy.html> (date of circulation: 24. 02.18). (In Russ)
 9. Medvedev D.A. The May decrees of the president will be fulfilled! Interview of D. Medvedev to the program «To conduct on Saturday». — URL: <https://oko-planet.su/politik/politikrus/335850-medvedev-mayskie-ukazy-prezidenta-budut-vypolneny-intervyu-dmedvedeva-programme-vesti-v-subbotu.html> (date of application: 24. 02.18). (In Russ)
 10. Decree of the Government of the Russian Federation of January 15, 2014 No. 27 Moscow «On Amending the Federal Target Program» Strengthening the Unity of the Russian Nation and the Ethnic and Cultural Development of the Peoples of Russia (2014-2020)» The official Internet portal of legal information. — URL: <https://rg.ru/2014/01/17/etnokultura-site-dok.html> (date of circulation: 24. 02.18). (In Russ)
 11. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1532 of December 29, 2016 «On the approval of the state program of the Russian Federation» Implementation of the state national policy «(as amended on January 25, 2018) by Kodeks: electronic fund of legal and normative technical documentation. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/420388022> (date of circulation: 24. 02.18). (In Russ)
 12. Russia and the National Question — URL: <http://tass.ru/obschestvo/4811593> (data obrashcheniya: 24. 02.18). (In Russ)
 13. Putin V.V. Russia and the National Question. *Vestnik Rossiyskogo Natsioni*. 2012;2-3:61. (In Russ)
 14. Tishkov V.A., Shabayev Yu.P. Ethnopolitology. Political functions of ethnicity. Textbook for high schools. Moscow: Science; 2013. P.47. (In Russ)
 15. Hobsbawm E. Nation and nationalism after 1780. Program, myth, reality. Trans. with English. St. Petersburg: Aleteya; 1998. P 35. (In Russ)
-
Статья получена 18.04.2018
Received 18.04.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Валентина А. Матвиенко, Кандидат политических наук, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия; 399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, д. 28;
yamatv@mail.ru

Valentina A. Matvienko, candidate of political sciences, Yelets state university of I. A. Bunin, Yelets, Russia; bld. 28, Kommunarov Street, Yelets, 399779, Russia;
yamatv@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политический процесс в Казахстане на современном этапе

Альнур С. Сейдуманов

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия,

seidumanov@mail.ru

Аннотация: в последние десятилетия политический процесс в Казахстане прошел несколько этапов своего развития. Каждый из них был связан с особенностями развития казахстанского государства, отражая, в том числе, уровень экономического и социального развития. После обретения независимости политический процесс в Казахстане проходил в условиях нарастания экономических проблем, переориентации торгово-экономических отношений. Руководство страны стояло перед необходимостью решения неотложных социально-экономических задач и, одновременно было предотвращать политический хаос и анархию. Становление и последующее развитие института президентства, формирование партийной системы, развитие парламентаризма потребовало внесения изменений, а в последствии и принятия новой редакции Основного закона Казахстана. Его принятие позволило добиться функционирования в стране сильной президентской власти в сочетании с наличием идеологического плюрализма, развитием партийной системы.

Проблемы политического развития Казахстана постоянно находились в поле зрения руководства страны. После 2007 года президент страны инициировал курс на поэтапное перераспределение полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти. Была поставлена задача по расширению полномочий законодательного органа, при одновременном сохранении сильной президентской ветви власти. Подобные изменения были продиктованы задачами политического развития Казахстана, его экономики, активным участием в интеграционных проектах, а также большей вовлеченностью страны в мировые политические процессы.

В последние несколько лет политический процесс в Казахстане отличается масштабными изменениями, которые отражают незавершенность политической реформы. Ключевым элементом преобразований является создание системы власти, при которой укрепление президентско-парламентской формы правления будет отражать потребность в усилении роли партий. В тоже время, в 2017 году — начале 2018 года в стране обсуждаются различные инициативы, направленные на повышение стабильности действующей политической системы, что должно придать большую стабильность и предсказуемость политическому процессу в Казахстане, создавая основу для его стабильного социально-экономического развития.

Ключевые слова: политический процесс, этапы развития, политика, политическая система, модернизация, политическая модель, «казахстанский путь»

Для цитирования: Сейдуманов А. С. Политический процесс в Казахстане на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(2):181–190. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-181-190>

The political process in Kazakhstan at the present stage

Alnur S. Seidumanov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
seidumanov@mail.ru

Abstract: In recent decades, the political process in Kazakhstan has gone through several stages of its development. Each of them was associated with the specifics development of the Kazakh state, reflecting, among other things, the level of economic and social development. After gaining independence, the political process in Kazakhstan was held in the conditions of growing economic problems, reorientation of trade and economic relations. The country's leadership faced the need to address urgent socio-economic tasks and, at the same time, to prevent political chaos and anarchy.

Formation and subsequent development of the institution of the presidency, the formation of the party system, the development of parliamentarism required the alterations, and subsequently the adoption of a new version of the Basic Law of Kazakhstan. Its adoption made it possible to achieve the functioning of a strong presidential power in the country, combined with the presence of ideological pluralism, the development of the party system.

The problems of Kazakhstan's political development were constantly in the field of view of the country's leadership. After 2007, the president of the country initiated a course for a gradual redistribution of powers between the executive and legislative branches of power. The task was set to expand the powers of the legislature, while maintaining a strong presidential branch of power. Such changes were dictated by the tasks of Kazakhstan's political development, its economy, active participation in integration projects, as well as greater involvement of the country in world political processes.

In the past few years, the political process in Kazakhstan has been marked by large-scale changes that reflect the incompleteness of political reform. A key element of the transformation is the creation of a system of power in which strengthening the presidential-parliamentary form of government will reflect the need to strengthen the role of parties. At the same time, in 2017– early 2018 various initiatives aimed at enhancing the stability of the existing political system are discussed in the country, which should give greater stability and predictability to the political process in Kazakhstan, creating the basis for its stable social and economic development.

Keywords: political process, stages of development, policy, political system, modernization, political model, «Kazakhstan way»

For citation: Seidumanov A.S. The political process in Kazakhstan at the present stage. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(2):181–190. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-181-190>

ВВЕДЕНИЕ

Республика Казахстан является новым независимым и быстро развивающимся государством, которое отличается от других государств своими подходами к реализации внутренней и внешней политике. В Республике Казахстан все политические реформы были первоначально направлены на успешный выход из экономических и социальных кризисов, возникших после распада единого государства — Советского Союза. Они были направлены на формирование и развитие новой казахстанской государственности и повышение результативности государственного управления.

Казахстан за весь период независимости пережил несколько этапов развития общественной жизни, в части формирования современной политической системы, создания демократического социального общества и устойчивой экономики, основанных на особенностях культурных традиций и менталитете общества.

При этом на развитие и модернизацию политических процессов и обеспечение демократизации общества в Казахстане оказали и оказывают значительное влияние последствия советского периода и процесса мировой глобализации. Нужно отметить, что все политические процессы имели и имеют в Казахстане управляемый характер, что дает стране возможность продвигаться вперед постепенно, учитывая возникающие проблемы и решая допущенные просчеты и ошибки. Особенность политической модернизации в Казахстане привлекает к себе внимание значительного количества отечественных и зарубежных исследователей. Поэтому вопрос о

направлениях и проблемах политического развития Республики, характере современных политических процессов нуждается в постоянном изучении. Исходя из этого решение поставленной цели и стало задачей исследования, которая заключается в детальном анализе поэтапного протекания процессов в казахстанской политике и оценки перспектив и проблем политического развития в государстве и обществе.

ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В КАЗАХСТАНЕ

После провозглашения независимости согласно конституционному закону «О государственной независимости Республики Казахстан» прошло 26 лет (закон РК от 16 декабря 1991 г. №1007-XII). Казахстан прошел за эти годы свой собственный, достаточно сложный путь становления политической системы, создания ряда институтов, норм и принципов цивилизованного демократического общества. Все это позволило установить в стране устойчивую государственную власть и обеспечить социально-политическую стабильность.

Казахстанское общество относится к группе переходных обществ, проходящих путь от тоталитарного общества к демократическому обществу, в котором к тому же ранее отсутствовал институт независимого государства, именно поэтому политические процессы здесь сложны и противоречивы.

Отправной точкой, которая обусловила необходимость модернизировать политический процесс в Казахстане, считается период конца 70-х — начала 80-х годов XX века, характеризующийся конфликтом

между общественными потребностями, государством (СССР) и его политической системой, на фоне спада темпов социального и экономического развития.

Данная ситуация привела к началу первого этапа современных политических процессов в Казахстане приходится на период 1985–1991 годы (период перестройки и кризиса политической системы в СССР). Он характеризуется стремлением общества утвердить в государстве новые политические ценности: формирование «нового мышления» для создания «обновленного социализма» и реализации «общечеловеческих ценностей». В этот период стали формироваться принципы свободы и гласности при сохранении лидирующего положения Коммунистической партии Советского Союза. В это же время этот период характеризуется Булуктаевым Ю. О., как время, когда впервые, в начале 90-х годов прошлого столетия, стали легитимно появляться на политическом пространстве Казахстана политические организации, такие как Партия социал-демократов, Народный конгресс Казахстана, Республиканская Партия, движение Алаш и другие [1]. В силу разрушения старого строя в рамках Советского Союза политический процесс имел в Казахстане характер поэтапного формирования новой политической системы страны и дальнейшего ее реформирования, что привело ко второму этапу развития политического процесса.

На втором этапе, с 1991 по 1998 годы, в стране происходит глубинное осознание независимости и государственности, а также национальной казахстанской идентичности. Переход к демократическим принципам проходил в Казахстане в сложных и противоречивых условиях системного социально-экономического кризиса в стране и как следствие спада темпов роста в экономике, гиперинфляции и резким сни-

жении уровня жизни населения, отсутствии политического многообразия, общественных организаций и независимых СМИ. Демократические традиции и опыт действия демократических политических институтов исторически отсутствовали.

В начале второго этапа с 1991-го по 1993-й годы в стране произошли основные изменения, которые были направлены, в первую очередь, на трансформацию существовавшей политической системы. В этот период в Казахстане произошло провозглашение независимости и принятие первой Конституции Республики Казахстан, принятие Основного Закона страны в 1993 году. Согласно Конституции Казахстан был определен в качестве республики. Однако не было уточнено, какая республика создается, не была четко определена форма правления. В то время в стране одновременно отмечались признаки президентской и парламентской республики. Конституция не утвердила такие понятия, как «выборы»; «голосование»; «политическая стабильность», «общественное согласие» и «казахстанский патриотизм». В это время политика государства не имела четкой определенности [1].

В этот период начинается процесс поиска эффективной модели политической системы страны, которая учитывала бы, как политические, так и национальные, экономические, социокультурные и геополитические особенности страны. Этому способствовали принятые правовые нормы, определившие структуру политической системы страны и функциональную характеристику политических процессов. В это время начинается процесс становления унитарного государства и президентской формы правления. Основным документом, закрепившим эти и другие понятия, является Конституция Республики Казахстан 1995 года, в которой определены

основные политические нормы: создание унитарного, демократического, светского, правового и социального государства (п.1 статьи 1), и признается идеологическое и политическое многообразие (статья 4), направленное на обеспечение согласия в обществе за счет политической стабильности и экономического развития на благо казахстанского народа (п. 2 статьи 1). Важными по своей значимости стали и другие конституционные законы, например «О Президенте», «О выборах», «О Республиканском референдуме», которые конкретизировали отдельные положения Конституции относительно дальнейшего развития политической системы. В этот период отмечаются следующие политические процессы, выражающиеся в высокой политической активности со стороны населения, внедрении в политическую жизнь и общественное сознание неоллиберальных западных моделей, основанных на создании демократических свобод, рыночной экономической концепции и индивидуалистической модели развития человека. В целом этот период можно охарактеризовать, как процесс активного создания инструментов новой политической системы государства, так как политические процессы стали определяться согласно положений Конституции Республики Казахстан 1995 года, принятой на общенародном референдуме в августе 1995 года. Конституция юридически закрепила переход страны к президентской форме правления, был создан двухпалатный профессиональный Парламент. Приняты также законы выборах, судебной власти и общественных организациях. Всего Указами Президента Республики Казахстан, имеющими силу закона, было принято около 150 законов, создавших каркас нового законодательства страны. Происходит укрепление президентской власти.

НА ПЕРЕЛОМНОМ ЭТАПЕ

Третий этап современных политических процессов Казахстана пришелся на 1998–2007 годы. Этот период характеризуется процессом стабилизации политической системы, кристаллизацией национальной системы ценностей, самоидентификации государства на постсоветском пространстве и выходом на геополитическую арену. В стране происходит укрепление политических организаций и институтов. В этот период наблюдается переоценка подходов к государственному управлению, как в социальной, так и в экономической сферах. Основными задачами государства и партий являлись задачи, направленные на выход из сложившегося политического и экономического кризиса 90-х годов XX века. В этот период было создано 18 партий, из которых к настоящему времени 11 прекратили свою деятельность. Это свидетельствует о том, что в Казахстане на третьем этапе появились новые политические партии и общественные объединения, которые отражали развитие современной политической системы.

Осенью 1998 года в Конституцию Республики Казахстан были внесены изменения, которые расширили права и полномочия Парламента Республики Казахстан. Проводившиеся впервые в 1999 году парламентские выборы по партийным спискам общенациональному избирательному округу стали переломным моментом в политической жизни казахстанского общества. Тем самым был достигнут один из важных демократических принципов: многопартийность и политическое многообразие.

Специфика четвертого периода, который начался в 2007 году и длится по настоящее время, обусловлена тем, что были внесены существенные изменения в Конституцию Республики Казахстан и другие законодательные акты («О президенте», «О поли-

тических партиях», «О выборах», «О некоммерческих организациях», «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»). Это позволило обозначить новый этап современного казахстанского политического процесса. Этот период характеризуется реформой политической системы страны и поэтому он носит название «период эволюции политического транзита», который выражается наращиванием демократических инструментов в политической системе страны.

В 2017 году реформы политической системы были продолжены. Президент Казахстана объявил программу «Модернизация 3.0: политические и экономические реформы и духовная модернизация «Рухани жаңғыру»». Данная программа является одной из самых масштабных за всю историю существования современного Казахстана и затрагивает все три ветви власти. Ключевая ее идея — повышение полномочий, а значит и усиление ответственности, парламента и правительства. Для президента в новых условиях приоритетами станут стратегические функции роль, верховного арбитра в отношениях между ветвями власти. Глава государства сконцентрируется также на внешней политике, национальной безопасности в целом, обороноспособности нашей страны. Отдельно стоит выделить тот факт, что проект данной реформы в течение месяца — с 26 января по 26 февраля — находился на всенародном обсуждении, и лишь затем был передан на обсуждение в парламент [2].

Эта же задача отражена в книге Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева «Эра Независимости» [3]. Основное внимание было обращено на историю становления и развития нового независимого государства, этапы строительства суверенного государства с декабря 1991 года. Рассмотрены три волны модернизации,

в ходе которых решены задачи рыночной экономики, досрочное вхождение в 50 конкурентоспособных стран мира. Третья модернизация предполагает продвижение республики в тридцатку развитых государств мира.

Необходимо отметить, что относительно политических реформ, проводимых в стране другими авторами, выделяются следующие этапы развития политического процесса, отличные от рассмотренных выше: 1991–1993 гг.; 1993–1995 гг.; 1995–1999 гг.; 1999–2001 гг. [4]. Первые два периода (1991–1993 гг.; 1993–1995 гг.), по мнению Н. И. Мустафаева (научный сотрудник КИСИ при Президенте Республики Казахстан), показывают эволюцию конституционного строя страны и становления формы правления от парламентской республики к президентской, а также, становление в постсоветский период государственности нового Казахстана. Третий период (1995–1999 гг.) можно охарактеризовать как этап закрепления основ действующей Конституции и действия на ее основе основных конституционных законов. Четвертый этап (1999–2001 гг.) отражает актуализацию политических реформ, выраженную в действительных, но незначительных преобразованиях политической сферы, так как страна продвинулась по пути дальнейшей демократизации в основном за счет экономических реформ, позволивших достичь показателей экономического роста среднеразвитой страны и решать основные социальные проблемы. В подтверждение этого можно отметить слова Президента Н. А. Назарбаева, в октябре 2000 года в ежегодном Послании народу Казахстана о том, что в Казахстане создано общество, где действуют 16 политических партий, проводятся свободные выборы, по результатам которых представлены в Парламенте четыре партии. Действует в обществе две

с половиной тысячи неправительственных организаций, живут и взаимодействуют множество религиозных общин. Создана независимая судебная система и профессиональный двухпалатный парламент. И главное, что в Казахстане отмечается мир и межнациональное согласие. При этом Президент отмечает, что темпы политической реформы отстают от динамики экономических преобразований [4].

В целом современный политический процесс можно охарактеризовать, как процесс модернизации политической системы, в части приведения ее к более совершенным формам.

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В КАЗАХСТАНЕ

Модернизация является процессом трансформации общества в политической, социальной и экономической сферах. Она направлена на достижение оптимальной стабильное развитие страны. Политическая модернизация рассматривается в качестве фактора демократизации, что предполагает соблюдение государством правовых норм и свобод для каждого человека. Модернизация обычно создает предпосылки для успешной реализации общенациональных политических и социальных программ развития страны, которые вырабатываются для решения существующих проблем.

Основными проблемами политической системы страны следует назвать: слабость большинства действующих партий. Из 6 официально зарегистрированных реально действуют три партии. Партийное поле характеризует завышенными данными численности членов всех партий, отмечается слабая развитость политических отношений, отсутствие дебатов и дискуссий между различными политическими силами. Политические движения не развиты, отсутствует

желания государства идти на диалог с партиями и обществом. Неправительственные объединения также развиты слабо и ориентированы в основном на спонсорство и получение доходов.

В тоже время общее состояние партийно-политической системы Республики Казахстан нельзя оценивать однозначно негативно. В процессе утверждения и закрепления своей независимости и суверенитета Республика Казахстан смогла сформировать самобытную, специфическую политическую модель и выработать свою оригинальную стратегию политического развития. Это было отмечено Президентом Н. А. Назарбаев еще 28 февраля в 2007 года в своем ежегодном Послании «Новый Казахстан в новом мире»: «У нас формируется своя модель политических реформ, свой «казахстанский путь» политического транзита».

Казахстанская модель основана на специфических культурно-исторических, оригинальных национально-государственных и самобытных принципах. Эти специфические особенности выступают в «казахстанском пути» в качестве уникального ценностного оформления, имеющего стратегическую направленность. Среди политических факторов, присущих так называемому «казахстанскому пути» следует выделить:

- модернизацию политической системы;
- реализацию дальнейших системных демократических реформ.

При этом были определены характерные черты и особенности казахстанского пути относительно политической системы, заключающиеся в сохранение президентской формы правления, поэтапном проведение политических реформ, сбалансированности принимаемых решений, консолидации основных политических сил и общенационального диалога.

Для дальнейшей модернизации политических процессов в Казахстане предлагается создать более эффективные политические институты, которые будут способны обеспечить активный диалог между правительством, партиями и населением (НПО и институт местного самоуправления). Положение о создании эффективных институтов считается одним из важных в части укрепления современных приоритетов стабильной и устойчивой политической системы. Ключевое значение в этом плане имеет решение проблематики демократической консолидации [5], которая основанная на западной транзитологии и должна быть адаптирована к особенностям политического развития и условиям Казахстана. Консолидация общества предстает как социально-политический и культурный фундамент успешного реформирования и один из самостоятельных этапов укрепления демократического режима [6]. Для развития казахстанского транзитного общества необходимо развивать в рамках действующего законодательства технологию взаимодействия Парламента с политическими партиями по актуальным и назревшим проблемам в формате участия и сотрудничества для определения реального видения социально-экономического и политического положения в стране.

Новый политический курс государства был отражен в Послании Президента Республики Казахстан «Стратегии «Казахстан–2050» в 2012 году. Он был основан на новых принципах социальной политики, в основу которых легли гарантии государства по обеспечению стабильности в обществе, в части социальной безопасности и благополучия граждан. В плане дальнейшего укрепления государственности и развития казахстанской демократии ставится задача по децентрализации управления, суть которой заключается в разграниче-

нии полномочий и ответственности между Президентом и Парламентом, центром и регионами. Данный период характеризуется возрастанием роли местных органов власти.

Нужно также отметить, что состоявшиеся в 2015 году досрочные выборы Президента в форме референдума, выборы нужны были не столько для подтверждения мандата лидера страны, который и так обладает в стране абсолютной поддержкой со стороны населения, а сколько для того, чтобы закрепить развития таких фундаментальных ценностей, как независимость, единство, государственность, которые были сформулированы в новейший период развития политического процесса в Казахстане [7].

Одним из важных условий развития политических процессов современного периода является добровольная передача действующим Президентом своих полномочий другим ветвям власти, в перераспределении функциональных полномочий между президентом, правительством и парламентом.

В целом политическая реформа, как отмечал в своей Инициативе по перераспределению власти, наш Президент, направлена на углубление эффективности системы государственного управления, а также на увеличение полномочий всех трех ветвей власти и главное их ответственности перед народом. Таким образом, будет значительно усилена роль Правительства и Парламента. При этом Глава государства не уходит от ответственности, для него приоритетами в новых условиях останутся основные стратегические функции, а также роль верховного арбитра в отношениях между ветвями власти. Это позволит ему сконцентрироваться на обороноспособности страны, национальной безопасности и внешней политике.

Итогом столь долгого процесса политической эволюции является формирование режима суперпрезидентской республики в Казахстане, которая, однако, в рамках конституционной реформы 2017 г. подразумевает передачу ряда полномочий, связанных преимущественно с вопросами внутренней политики, от президента другим органам власти в стране. При этом, отдельные эксперты выделяют тот факт, что в основополагающий документ казахстанской государственности слишком часто подвергается пересмотрам [8]. С другой стороны, попытка такой модернизации политической системы Казахстана является подтверждением того факта, что в политической среде страны серьезно прорабатывают вопрос передачи власти, который традиционно является одним из проблемных для многих государств постсоветского пространства. Здесь уместно выделить пример Узбекистана, который не без проблем решил данную проблем, что вероятно также было учтено Астаной при планировании конституционной реформы в 2017 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в политической сфере Казахстана остается ряд проблем. Ключевой из них остается перераспределение полномочий между ветвями власти, что будет определять дальнейшее развитие страны. Инициатива Лидера нации по перераспределению полномочий между ветвями власти является новым импульсом поступательного развития Казахстана, успешная реализация которой зависит от слаженной и совместной работы всего нашего общества, как единого механизма.

Для решения проблем демократического порядка необходимо, создать все условия для развития гражданского общества, которое не будет существовать в параллельных мирах с представительными и исполнительными органами власти. Необходимо создавать действенные формы взаимодействия с неправительственными организациями и развивать региональное самоуправление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булуктаев Ю. О. Партийно-политическое строительство в Республике Казахстан (1991—2012 гг.). Книга 2. Трансформация партийной системы в начале XXI века. Алматы: КИСИ при Президенте РК; 2012. 380 с.
2. Назарбаев Н. А. Эра независимости. Астана: Елорда; 2017. 508 с.
3. Мустафаев Н. И. Политические преобразования в Казахстане: концептуальные подходы и практическая реализация. Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий. Астана: Елорда; 2001. С. 272
4. Нысанбаев, А., Кадыржанов Р. Стратегия развития и консолидации. Казахстанская правда. 2007. 10 марта.
5. Байтагамбетов С. Социальная политика: ход преобразований в странах СНГ и Казахстане. *АльПари*. 2002;1:11-13
6. Калиева М. Ш. Модернизация в системе политического развития общества. *Молодой ученый*. 2015;1:11-13.
7. Zhiltsov S.S. Political Process in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;1: 21-29.
8. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6: 7-13.

REFERENCES

1. Buluktaev U.O. Party and political construction in the Republic of Kazakhstan (1991–2012). Book 2. Transformation of the party system in the early 21st century. Monograph. Almaty: KISI under the President of the Republic of Kazakhstan; 2012. 380 p. (In Russ.)
2. Nazarbayev N.A. The Era of Independence. Astana: Elorda; 2017. 508 p. (In Russ.)
3. Mustafayev N.I. Political transformations in Kazakhstan: conceptual approaches and practical implementation. Sovereign Kazakhstan at the turn of the millennium. Astana: Elorda; 2001. P. 272. (In Russ.)
4. Nysanbaev A., Kadyrzhanov R. Development and consolidation strategy. The Kazakh truth. 2007. 10 Mar. (In Russ.)
5. Baitmagambetov S. Social policy: the course of reforms in the CIS countries and Kazakhstan. *AlPari*. 2002;1:11-13. (In Russ.)
6. Kalieva M. Sh. Modernization in the System of Political Development of Society. *Young Scientist*. 2015;1:11-13. (In Russ.)
7. Zhiltsov S.S. Political Process in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;1: 21-29.
8. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6:7-13.

.....
Статья получена 17.04.2018
Received 17.04.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Альнур С. Сейдуманов, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2; seidumanov@mail.ru

Alnur S. Seidumanov, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, 119992, Russia; seidumanov@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Роль Республики Казахстан в геополитической трансформации в рамках «Евразийского проекта»

Мирлан М. Нуртазин

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия,

mirlannurtazin@gmail.com

Аннотация: в процессе изучения такого явления геополитической трансформации постсоветского пространства как «Евразийский проект» автор использует метод сравнительного анализа официальных внешнеполитических документов государств-основателей Евразийского экономического союза. Автор, выделяя в качестве субъектов «интеграционного ядра» на постсоветском пространстве Казахстан, Россию и Беларусь, подкрепляет интеграционные устремления указанных стран экономическими данными, свидетельствующими об их растущей взаимозависимости на протяжении десятилетия, предшествующего созданию Союза в мае 2014 г.

Введенный странами Запада санкционный режим в отношении России и их негативное влияние на экономику ЕАЭС не снизил политической воли лидеров «тройки» продолжить дальнейшую интеграцию. Детальное изучение программных выступлений (публикаций) политических лидеров стран «интеграционного ядра» ЕАЭС позволяет определить особую роль Казахстана и его Президента Н. Назарбаева в реализации этого масштабного геополитического проекта.

При рассмотрении программных внешнеполитических документов Казахстана, Беларуси и России предлагается сфокусировать внимание на особенностях позиционирования ЕАЭС как интеграционного образования. В итоге, установлено, что членство Беларуси в «Евразийском проекте» стало результатом тяжелого компромисса для белорусского народа. На российском примере показано, что внешнеполитический вектор Москвы вначале воспринимал ЕАЭС как глобальный проект соединяющий Европу с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Однако сейчас, Россия позиционирует ЕАЭС как региональную площадку. Автор расценивает это как снижение статуса евразийской интеграции и полагает, что этот тезис выглядит весьма спорно. Казахстан, в свою очередь, видит в «Евразийском проекте» возможность включиться с мировые экономические цепочки. Таким образом, Астана придает ЕАЭС исключительно глобальное значение.

Особо подчеркивается позиция казахстанского лидера в ходе встреч с западными лидерами. Лидер Казахстана традиционно позиционирует ЕАЭС как адекватное и экономическое успешное интеграционное образование с которым необходимо налаживать сотрудничество во всех сферах. Это позволяет присвоить ему статус «адвоката» «Евразийского проекта». При этом, в статье отмечается опора евразийских взглядов Н. Назарбаева на идеи

классических евразийцев П. Савицкого, Г. Флоровского, Н. Трубецкого, Г. Вернадского, С. Соловьева, Л. Гумилева.

Делается вывод о том, что в условиях сохраняющегося антироссийского санкционного режима участие Казахстана в ЕАЭС является одним из главных факторов легитимации интеграционного образования на региональном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: «Евразийский проект», «интеграционное ядро», Казахстан, Беларусь, Россия, геополитическая трансформация

Для цитирования: Нуртазин М. М. Роль Республики Казахстан в геополитической трансформации в рамках «Евразийского проекта». *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(2):191–202. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-191-202>

The role of the Republic of Kazakhstan in geopolitical transformation in the framework of the «Eurasian project»

Mirlan M. Nurtazin

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
mirlannurtazin@gmail.com

Abstract: In the process of researching the geopolitical transformation of the post-Soviet space as a «Eurasian project», the author uses the method of comparative analysis of the official foreign policy documents of the founding States of the Eurasian economic union. The author, highlighting Kazakhstan, Russia and Belarus as subjects of the «integration core» in the post-Soviet space, reinforces the integration aspirations of these countries with economic data indicating their growing interdependence during the decade preceding the creation of the Union in may 2014.

It is shown that the sanctions regime imposed by the Western countries on Russia and their negative impact on the economy of the EEU did not reduce the political will of the leaders of the «Troika» to continue further integration.

A detailed research of the policy statements (publications) of the political leaders of the EEU «integration core» allows to determine the special role of Kazakhstan and its President N. Nazarbayev in the implementation of this large-scale geopolitical project.

The author in considering programmatic foreign policy documents of Kazakhstan, Belarus and Russia offers to focus attention on the peculiarities of the positioning of the Eurasian economic union as integration entity. As a result, according to the author, the membership of Belarus in the «Eurasian project» was the result of a hard compromise for the Belarusian people. The Russian example shows that Moscow's foreign policy vector was initially perceived by the EEU as a global project connecting Europe with the Asia-Pacific region. Now, however, Russia has positioned the EEU as a regional site. The author regards this as a decrease in the status of Eurasian

integration and believes that this thesis looks very controversial. Kazakhstan, in turn, sees the «Eurasian project» as an opportunity to join the global economic chains. Thus, Astana attaches to the EEU exclusively global significance.

The position of the Kazakh leader in the course of meetings with Western leaders is emphasized. The leader of Kazakhstan traditionally positions the EEU as an adequate and successful economic integration entity with which it is necessary to establish cooperation in all spheres. This allows him to be assigned the status of «advocate» of the «Eurasian project». At the same time, the article notes the support of the Eurasian views of N. Nazarbayev on the ideas of classical Eurasians P. Savitsky, G. Florovsky, N. Trubetskoy, G. Vernadsky, S. Solovyov, L. Gumilev.

It is concluded that in the conditions of the remaining anti-Russian sanctions regime Kazakhstan's participation in the EEU is one of the main factors of the legitimization of integration education at the regional and global levels.

Keywords: «Eurasian project», «integration core», Kazakhstan, Belarus, Russia, geopolitical transformation

For citation: Nurtazin M. M. The role of the Republic of Kazakhstan in geopolitical transformation in the framework of the «Eurasian project». *Post-Soviet Issues*. 2018;5(2):191–202. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-191-202>

ВВЕДЕНИЕ

Под геополитической трансформацией в рамках настоящей статьи понимаются изменения, происходящие на постсоветском геополитическом ландшафте с момента распада СССР, в частности с периода появления первых интеграционных образований в середине 1990 гг. по настоящий период. Сужая рассматриваемые изменения до рамок «Евразийского проекта», подразумевается идейное наполнение интеграционных устремлений государств постсоветского пространства в соответствии со взглядами классических евразийцев П. Савицкого, Г. Флоровского, Н. Трубецкого, Г. Вернадского, С. Соловьева, Л. Гумилева, а также евразийского подхода к интеграции в трактовке Президента Казахстана Н. Назарбаева.

29 мая 2014 г. в Астане состоялось историческое событие — лидеры Казахстана, России и Беларуси поставили подписи под Договором о Евразийском экономиче-

ском союзе (ЕАЭС), ставшим логическим завершением многих попыток государств интегрироваться на экономическом базисе в пределах постсоветского пространства. Это объединение качественно отличается от существующего СНГ такими важными признаками как: единая таможенная территория и таможенная политика, наднациональный орган и суд, согласование и принятие общеобязательных для всех стран участников документов международно-правового характера и др.

Казахстан и ее лидер Н. Назарбаев уже традиционно называются основоположниками и идейными вдохновителями созданного ЕАЭС. В настоящей статье на основе анализа программных заявлений и концепций внешних политик Казахстана, России и Беларуси делается попытка обосновать особую роль Республики Казахстан в геополитической трансформации в рамках «Евразийского проекта». Делается акцент на нынешней геополитической ситуации

в регионе в свете обострения отношения между Россией и западными странами и введенными антироссийскими санкциями.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ

В качестве краткой характеристики идейного наполнения «Евразийского проекта» подчеркнем, что вышеуказанные основоположники и теоретики евразийства считали, что общность евразийского пространства предопределена самой природой. Указанные теоретики видели ключевую основу его исторического развития в тесном взаимодействии природно-географического и социально-культурного факторов. По их убеждению, евразийские народы — не конкуренты, а союзники; именно на пространстве Евразии получило развитие невиданное нигде ранее братство народов, их тяга к политическим, экономическим, культурным объединениям.

Понятие «Евразийский проект» в настоящее время прочно закрепилось в политологическом лексиконе и обывательской (журналистской) среде. Данным термином принято обозначать практический результат реализации идеи Евразийского экономического союза, предложенной Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым в 1994 г. Под евразийским пространством казахстанский лидер понимал пространство бывшего СССР. Предложенный Евразийский союз должен был стать основой нового межгосударственного объединения, построенного на принципах добровольности и равноправия «призванный решить две ключевые задачи: формирование единого экономического пространства и обеспечение совместной оборонной политики». [1].

Видный казахстанский деятель, дипломат, работавший в должности Посла Казахстана в России, Т. Мансуров в своей книге «Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. К 20-летию

евразийского проекта. 1994–2014» отмечает, по замыслу Назарбаева, Евразийский союз — это союз равноправных независимых государств, в котором реализовываются национально-государственные интересы каждого и используется весь совокупный потенциал [2]. Автор особо подчеркивает, что «продвижение евразийской интеграции стало делом жизни казахстанского лидера, который сумел убедить в эффективности своих интеграционных идей Владимира Путина, Александра Лукашенко и других лидеров постсоветских государств, и при их деятельном участии евразийский проект поступательно реализуется» [2].

«ИНТЕГРАЦИОННОЕ ЯДРО» – РОССИЯ, КАЗАХСТАН, БЕЛАРУСЬ

С момента распада СССР Казахстан, Россия и Беларусь являются постоянными и последовательными участниками тех или иных интеграционных образований на постсоветском пространстве — СНГ, ОДКБ, ЕвразАзЭС, ЕЭП России, Беларуси, Казахстана и Украины, ТС и ЕЭП, ЕАЭС. Казахстан также являлся участником Организации Центрально-Азиатское сотрудничество в 2002–2005 гг. (ОЦАС). Особенно наглядно объединяющие усилия «тройки» выделяются на фоне разнонаправленных внешнеполитических дрейфов таких стран, как Украина и Узбекистан.

Если в случае с официальным Киевом имеет место жесткое смещение ориентиров в сторону объединённой Европы, то Ташкент демонстрирует некую неопределённость, проявляющееся в первоначальном членстве в военной организации ОДКБ, затем приостановление участия в этой организации (фактический выход из ОДКБ). При этом, Узбекистан последовательно «прохладен» к интеграционным образованиям экономического характера,

кроме СНГ, таким как ЕвразАзЭС, ТС и ЕЭП, ЕАЭС.

Политическая воля руководства стран «тройки» к объединению и интеграции

подкреплялась ежегодным приростом взаимного товарооборота между экономиками в период 2000–2008 гг. (табл. 1) [3].

Таблица 1.

**Усиление взаимной и односторонней зависимости стран ЕвразЭС
(Беларусь, Казахстан и Россия) за 2000–2008 гг., %**

Страны	Экспорт		Импорт		Товарооборот	
	В третьи страны	В страны ЕвразЭС	Из третьих стран	Из стран ЕвразЭС	С третьими странами	В том числе ЕвразЭС
Беларусь	6,09	2,95	5,29	4,20	5,72	3,71
Казахстан	9,29	3,71	9,41	5,65	9,32	4,82
Россия	4,51	4,91	9,02	2,83	5,52	3,99

Таким образом, к середине 2000-х гг. на постсоветском пространстве сложилось интеграционное ядро в виде наиболее экономически развитых государств, стремящихся более тесно взаимодействовать в экономических сферах. Российский экономист, советник Президента России С. Глазьев применяет термин «интеграционное ядро» по отношению к Беларуси, России и Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану. Однако, представляется логичным из этого списка вычленить Казахстан, Россию и Белоруссию как наиболее заинтересованных и политически мотивированных членов функционирующего ЕАЭС. Ряд исследователей также выделяют эти три страны СНГ в качестве «интеграционного ядра» на евразийском пространстве [4], [5].

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА «ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОЕКТА»

Положительная динамика роста экономической взаимозависимости сохранялась в 2010–2014 гг. Так, в 2014 году основным торговым партнером Беларуси являлась

РФ, на ее долю приходилось более 40% белорусского экспорта и более половины объема импорта. Что касается Казахстана, то Россия традиционно является ее крупнейшим торговым партнером. В 2015 г. средний годовой объем взаимного товарооборота составил порядка 21 млрд. долл.

Согласно отчету Евразийской экономической комиссии за 2016 год, стоимостные объемы взаимной торговли в интеграционном образовании в 2010–2014 гг. выросли более чем на 60%. [6]. Практически весь период с 2010 г. между государствами — членами ЕАЭС развивается конвергенция — сближение уровней ВВП на душу населения. Подчеркивается, что приведенные статистические данные свидетельствуют об устойчивости согласованной межстрановой динамики. По данным Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР) [6], в 2016 г. накопленные взаимные прямые инвестиции между странами, входящими в ЕАЭС, выросли на 15,9% до 26,8 млрд. долл. Основным инвестор — Россия, доля которой в

общем объеме вложений составила 78% в общем экспорте инвестиций, или 21 млрд. долл. Главными получателями являются Белоруссия (8,6 млрд. долл.) и Казахстан (8,2 млрд. долл.). Накопленный объем прямых инвестиций в Россию достиг 5 млрд. долл. Комментируя эту динамику, директор ЦИИ ЕАБР Е.Винокуров указывает, что в 2016 г. взаимные прямые инвестиции стран ЕАЭС росли вдвое быстрее, чем в СНГ [7]. Вместе с тем, на фоне роста взаимных инвестиций в последние три года прослеживается снижение товарооборота внутри Союза. В 2014–2015 гг. рамках ЕАЭС отмечают, что вследствие нестабильной экономической ситуации, вызванной влиянием экономических санкций против России, и сырьевой направленностью экспорта наблюдается снижение объемов взаимной торговли. [8]. Объем внешней торговли товарами государств-членов Союза с третьими странами за январь — сентябрь 2015 г. составил 437 млрд. долл., в том числе экспорт — 285,9 млрд. долл., импорт — 151,1 млрд. долл. По сравнению с аналогичным периодом 2014 года объем внешней торговли сократился на 34,5%, или на 229,6 млрд. долл. Объем экспорта товаров снизился на 33,1%, или на 141,5 млрд. долл., импорт уменьшился на 36,8%, или на 88,1 млрд. долл.

Несмотря на негативное влияние экономических антироссийских санкций, это не повлияло на темпы процесса принятия международных актов в рамках Союза. Стороны продолжают поэтапное становление общей договорно-правовой базы. В течение 2016–2017 гг. страны-участницы ЕАЭС подписали ряд ключевых документов, способствующих дальнейшему ускорению интеграции. Среди них новый Таможенный кодекс, соглашения о формировании единого рынка лекарственных средств, о едином порядке согласования специфических (промышленных) субсидий и др.

Таким образом, несмотря на ряд негативных факторов международного характера, таких, как режим санкций и снижение мирового спроса на основные экспортные товары стран ЕАЭС (нефть и металлы), политические лидеры твердо и целенаправленно двигаются по пути развития интеграции в рамках Союза.

АНАЛИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПРОГРАММНЫХ СТАТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Для объективного понимания характера отношения государств «интеграционного ядра» к «Евразийскому проекту» проанализируем основные тезисы официальных документов и программных статей (обращений) политических лидеров.

Согласно документу «Приоритеты внешней политики Республики Беларусь» официальный Минск «последовательно отстаивая идеи интеграции, занимает активную и конструктивную позицию в объединительных образованиях на постсоветском пространстве — Содружестве Независимых Государств, Евразийском экономическом союзе, Организации Договора о коллективной безопасности». В результате этого, СНГ и ОДКБ наравне с ЕАЭС признаются в Беларуси интеграционными объединениями. С другой стороны, в Приоритетах отмечается, что ЕАЭС открывает «принципиально новые перспективы с точки зрения национальных интересов государств-участников».

В качестве существенных выгод для белорусской экономики от членства в Союзе указываются создание дополнительных условий для модернизации и устойчивого развития за счет обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, реализации согласованной (либо единой) политики в ключевых секторах экономики, реализации совместных инве-

стиционных и инновационных проектов, единых правил конкуренции, стандартов и требований к товарам и услугам, доступа к услугам естественных монополий и рынку государственных закупок.

В октябре 2011 г. в качестве ответа на ранее опубликованную программную статью Президента России В. Путина об интеграции на постсоветском пространстве в газете «Известия» была опубликована статья Президента Беларуси А. Лукашенко «О судьбах нашей интеграции» [9].

Выделим наиболее ключевые моменты в публикации белорусского лидера. А. Лукашенко поддержал идеи В. Путина, считающего распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века», подчеркнув, что развал Советского Союза стал «глубочайшей, трагической ошибкой XX века». Автор считает, что СССР мог быть усовершенствован, изменен, но никак не разрушен. В статье особо отмечается, что тема интеграции на постсоветском пространстве впервые поднимается кандидатом в президенты (на тот момент В. Путин являлся премьер-министром РФ и кандидатом в президенты).

Далее А. Лукашенко развивает мысль о том, что путь интеграции для современных государств безальтернативен, особенно в условиях «мировой неопределённости и хаоса». Автор убежден, что для Беларуси «глубокая, продуктивная интеграция с наиболее близкими соседями была, есть и будет естественным путем развития». Эта идея, по мнению автора, подкреплена положительной волей белорусского народа, подтвержденная двумя референдумами, проведенными в первой половине 90-х гг. Тех, кто создал Союзное государство России и Беларусь, автор называет «первопроходцами» в деле межгосударственного интегрирования. Вместе с тем отмечается, что дальнейшее развитие постсоветской

интеграции в виде ЕЭП стало для Беларуси «нелегким компромиссом». А. Лукашенко убежден, что за создание этого интеграционного образования белорусская сторона «заплатила дорого».

Последние тезисы белорусского лидера свидетельствуют о том, что выбор на «Евразийском проекте» был сделан с существенной оговоркой. Возможно, это связано с оставленной «про запас» возможностью для Минска пересмотреть участие в евразийской интеграции в пользу объединенной Европы. Позднее сам А. Лукашенко неоднократно делал заявления о праве выхода Беларуси из ЕАЭС под различными предложениями.

В октябре 2011 г. в газете «Известия» была опубликована программная статья премьер-министра РФ В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» [10]. Излагая видение России «Евразийского проекта», российский лидер подчеркивает, что «предлагаемая модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом».

В рассматриваемой статье акцентируется внимание на том, что именно Россия «выдвинула предложение создать Коллегию КТС с участием представителей государств «тройки», которые будут работать уже в качестве независимых, международных чиновников». В 2012 г. эта структура, базирующаяся в Москве, была преобразована в Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК) — наднациональный орган, чьи решения, принимаемые консенсусом на 4-хуровневом формате (Коллегия ЕЭК, Совет ЕЭК, Межправительственный совет, Высший Совет ЕАЭС), носят обязательный

характер для государственных органов государств-членов ЕАЭС.

Данный факт свидетельствует о бюрократическом характере российских инициатив касательно «Евразийского проекта» — их итогом стало закрепление институциональных основ интеграции (аппарата КТС, а затем ЕЭК).

Особенность современного российского подхода отражает действующая редакция «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденная в ноябре 2016 г. Так, углубление и расширение интеграции в рамках Евразийского экономического союза отнесено в этом документе к разделу «Региональные приоритеты внешней политики РФ».

В отличие от белорусского подхода, российскую концепцию отличает строгое иерархичное разделение на глобальную (раздел III «Приоритеты РФ в решении глобальных проблем») и региональную повестки. На наш взгляд, это свидетельствует о характере отношения к «Евразийскому проекту» — Россия склонна позиционировать интеграцию как сугубо региональный конструкт. На этом фоне утверждение Концепции о том, что «ЕАЭС способен сыграть важную роль в деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах» выглядит весьма спорно.

Характерно, что в Концепции в редакции 2013 г., дословно цитируя статью В. Путина, ЕАЭС ставилась задача стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. То есть, несмотря на подписание Договора о ЕАЭС в мае 2014 г. и фактический запуск в 2015 г., цели нового интеграционного образования в понимании России существенно сузились в географическом масштабе. Мост между Атлантическим и Тихим океанами стал заметно короче — в 2016 г. «Евразий-

скому проекту» было «поручено» сближать Европейский и Евразийский регионы, исключается связь с АТР. Следовательно, в 2016 г. российский подход претерпевает качественные изменения.

Такой подход отводит ЕАЭС более низкое положение по сравнению с Европейским союзом, не наделяет их равным статусом при выстраивании возможного сотрудничества. Наиболее правильно было бы рассматривать эти интеграционные образования в качестве равных субъектов международных отношений на Евразийском континенте. Кстати, такого мнения придерживается Президент Казахстана Н. Назарбаев. Так, в апреле 2016 г., а затем на Петербургском экономическом форуме в июне того же года казахстанский лидер предлагал провести в Брюсселе совместную конференцию ЕАЭС и ЕС в целях налаживания взаимной торговли.

Такое позиционирование евразийской интеграции в главном внешнеполитическом документе России могло бы правильно сигнализировать странам-партнерам и самое главное на мировой арене, геополитическую значимость, придаваемую Москвой этому успешно реализуемому проекту.

Следует подчеркнуть, что также, как и Беларусь, Россия ставит Союзное государство РФ и РБ в иерархии приоритетов выше ЕАЭС. Отличием является то, что российские авторы не указывают какие-либо конкретные выгоды непосредственно для своей национальной экономики от функционирования ЕАЭС. Российские тезисы в отношении «Евразийского проекта» в официальном документе носят относительно универсально-декларативный характер касательно свободы перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов.

Таким образом, анализ характера официального российского подхода к «Евразийскому проекту» с момента выхода статьи

В. Путина в 2011 г. до настоящего времени показал снижение значимости позиционирования интеграционного образования со стороны Москвы, с глобального на региональный уровень.

Такой вывод дополнительно подтверждается официальной российской позицией, изложенной в Обращении Президента России к главам государств – членов Евразийского экономического союза от 18 января 2018 г., в котором подчеркивается, что ЕАЭС рассматривается как «важнейшее региональное интеграционное объединение, способствующее сближению экономик стран «пятёрки» и их устойчивому развитию в интересах обеспечения роста благосостояния народов».

ОСОБЫЙ ПОДХОД КАЗАХСТАНА

Рассмотрим место «Евразийского проекта» в казахстанской внешней политике. Статья Н. Назарбаева в «Известиях» «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» завершила цикл статей трех президентов, посвященных этому проекту. Отличием данной статьи от двух предыдущих является подача в виде исторической хронологии. Автор отсылает к моменту подписания Алматинской декларации 21 декабря 1991 г. — фактическому концу существования СССР. Далее описываются основные вехи в истории СНГ и инициативы самого Н. Назарбаева, ставшие предвестниками нынешнего ЕАЭС. «Таможенный союз Казахстана, России и Беларуси — это первая на пространстве всего СНГ действительно добровольная и равноправная форма интеграции», — подчеркивает автор.

Объединяющей чертой в статьях В. Путина и Н. Назарбаева является отсутствие негативных моментов в виде нелегкого выбора народов своих стран в пользу «Евразийского проекта» и «оплаченной цены» за его создание, как это имеет место в пу-

бликации А. Лукашенко. Вместе с тем, все три автора едины в понимании отсутствия устремлений возродить СССР вследствие создания ЕАЭС.

В «Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 гг.» так же, как и в российском внешнеполитическом документе, присутствует определенная иерархия приоритетов государства на внешнем треке. При этом, в отличие от России, Казахстан не делит свои приоритеты на глобальный и региональный уровни.

Согласно изложенным тезисам, евразийская интеграция для Астаны находится на условном втором месте после развития региона Центральной Азии. Казахстан видит в развитии «Евразийского проекта» особую задачу — выход государства «на устойчивые позиции в системе мирохозяйственных связей». Таким способом авторы документа, считаем, придают глобальную значимость ЕАЭС, основной задачей которого является обеспечение встраивания стран-участниц Союза в мировые экономические цепочки.

Наряду с этим, в 1994 г., взгляды казахстанского лидера в отношении «Евразийского проекта» также претерпели существенные изменения. Так, если в тезисах того периода было указание на обеспечение совместной оборонной политики, то к моменту создания ЕАЭС в 2014 г. Н. Назарбаев твердо склонен подчеркивать сугубо экономический смысл интеграции. ОДКБ, как военно-политический блок, строго отделен от «Евразийского проекта» и в учредительных документах ЕАЭС упоминания военной составляющей в интеграционных процессах отсутствует.

В целом следует отметить, что в выступлениях и программных публикациях Президента Н. Назарбаева красной нитью прослеживается особое отношение к «Евразийскому проекту» как некому своему

детищу. При этом, практически невозможно вычленив в каких-либо цитатах лидера Казахстана даже легкую критику в адрес ЕАЭС. Более того, позиция, высказываемая Н. Назарбаевым на двусторонних встречах с лидерами западных стран, по этой теме, позволяет присвоить ему статус негласного «адвоката» ЕАЭС и даже России, как наиболее крупной экономики в составе интеграционного объединения. Широко известны призывы Президента Казахстана отменить санкционный режим против России и его обеспокоенность «ушедшими на ноль» отношениями между Москвой и Вашингтоном.

Существующий и поэтапно ужесточающийся антироссийский санкционный режим, в первую очередь, со стороны США, определяет особую роль Казахстана в деле функционирования ЕАЭС. Фактически Казахстан является единственным участником «интеграционного ядра» и ЕАЭС, в отношении которого страны Запада проявляют лояльность и не вводят каких-либо санкций. Таким образом, верность Казахстана избранной Н. Назарбаевым еще в 1994 г. идее евразийской экономической интеграции, выступает одним из главных факторов легитимации ЕАЭС на региональном и глобальном уровнях [11].

Оценивая вклад казахстанского лидера в дело евразийской интеграции В. Путин подчеркивает, что ЕАЭС является «воплощением прозорливой идеи Н. Назарбаева». Не случайно местом подписания Договора о ЕАЭС 29 мая 2014 г. была выбрана столица Казахстана Астана. Российский политолог, философ А.Дугин в своих исследованиях отмечает «особенную роль Казахстана в этом процессе» (евразийском проекте). [11]. При этом подчеркивается, что Президент Н. Назарбаев «является нашим другом и убежденным приверженцем евразийской идеи». [12].

Характеризуя взаимосвязь своих интеграционных идей с классическим евразийством, Н. Назарбаев особо выделяет роль философа Л. Гумилёва как одного из основоположников современной трактовки этого идейного течения. Так, выступая с лекцией в МГУ в апреле 2014 г. в честь 20-й годовщины упоминавшегося выше первого программного выступления, казахстанский лидер отмечал, что «Лев Николаевич Гумилев является одним из прозорливых русских интеллектуалов, предвидевших судьбоносность евразийского пути российского государства».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе анализа тематических публикаций лидеров государств России, Казахстана и Беларуси, их высказываний на эту тему, а также внешнеполитических документов стран «интеграционного ядра», мы приходим к следующим выводам:

- Казахстан и его лидер Н. Назарбаев являются ключевыми игроками в идейном наполнении и непосредственном становлении «Евразийского проекта». Этот тезис подтверждается позицией российского руководства в лице Президента В. Путина и основного «евразийца» современности А.Дугина. В своем видении интеграции в Евразии Н. Назарбаев опирается на идейные течения, представителями которых являются Л. Гумилёв и другие евразийцы;
- Казахский лидер последовательно поддерживает «Евразийский проект» в ходе двусторонних и многосторонних встреч с лидерами иностранных государств и не склонен критиковать ЕАЭС, как это иногда позволяет себе Президент Беларуси А. Лукашенко. Более того, Президент Казахстана последовательно призывает западные страны сотрудничать с ЕАЭС и снять санкции с России

как наиболее крупной экономики интеграционного образования. Это позволяет наделить Н. Назарбаева статусом «адвоката» «Евразийского проекта»;

- для России как участницы и основательницы ЕАЭС это интеграционное образование на официальном уровне носит региональный характер, при том, что на начальном этапе в 2011 г. «Евразийскому проекту» придавался статус глобального

субъекта международных отношений, призванного соединять Европейский регион с АТР;

- в условиях сохраняющегося антироссийского санкционного режима участие Казахстана в ЕАЭС является одним из главных факторов легитимации интеграционного образования на региональном и глобальном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н. А. Выступление в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Алматы: КИСИ при Президенте РК; 2010. С. 6-14
2. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева. Идее, высказанной президентом Казахстана, исполнилось 20 лет. Известия. 2014 г. 13 мая. URL: <https://iz.ru/news/570751>
3. Статистика СНГ. *Статистический бюллетень*. 2009;4(451):89.
4. Иванова Е. М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015;6:112-118
5. Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. Москва: Изд-во Э; 2015. 384 с.
6. Валовой Т. Д. Евразийский экономический союз: новая реальность — новые возможности. Москва: Наука; 2017. 168 с.
7. Алешкина Т. Санкции помогли инвестициям. Взаимные инвестиции стран ЕАЭС растут впервые после трех лет падения. Ведомости. 2017. 1 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/10/30/739899-sanktsii-pomogli-investitsiyam>
8. Дробот Е. В., Абросимова А. С., Савицкая К. С. Влияние санкций на формирование Евразийского экономического союза. *Экономические отношения*. 2017;7(1):55-63
9. Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции. Известия. 2011. 17 октября. URL: <https://iz.ru/news/504081>
10. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. Известия. 2011. 3 октября. URL: <https://iz.ru/news/502761>
11. Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы. *Вестник РУДН. Серия политология*. 2016;1: 7-15.
12. Дугин А. Евразийский реванш России. Москва: Litres; 2017. 280 с.

REFERENCES

1. Nazarbayev N.A. Speech by the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev at Moscow state University. M. V. Lomonosov. Almaty: KAZISS under the President of RK; 2010. P.6-14 (In Russ.)
2. Eurasian project of Nursultan Nazarbayev. The idea expressed by the President of Kazakhstan is 20 years old. Izvestia, May 13, 2014/ URL: <https://iz.ru/news/570751> (In Russ.)
3. CIS statistics. *Statistical Bulletin*. 2009;4(451):89. (In Russ.)
4. Ivanova E. Eurasian integration: the way from the CIS to the Eurasian economic union. *Russian foreign economic bulletin*. 2015;6:112-118. (In Russ.)

5. Trenin D. Russia and the world in the twenty-first century. Moscow: Ye; 2015. 384 p. (In Russ.)
6. Valovaya T.D. Eurasian economic union: new reality — new opportunities. Moscow. Science; 2017. p. 168. (In Russ.)
7. Aleshkina T. The sanctions have helped investment. Mutual investments of the EAEU countries grow for the first time after three years of decline. Vedomosti. 2017. November 1. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/10/30/739899-sanktsii-pomogli-investitsiyam> (In Russ.)
8. Drobot E. V., Abrosimov A. S., Savitskaya, K. S. the Impact of sanctions on the Eurasian economic Union. *Economic relations*. 2017;7(1):55-63. (In Russ.)
9. Lukashenko A. On the fate of our integration. Izvestia. 2011. October 17. URL: <https://iz.ru/news/504081> (In Russ.)
10. Putin V. A new integration project for Eurasia-the future that is born today. Izvestia., October 3. URL: <https://iz.ru/news/502761> (In Russ.)
11. Zhiltsov S.S. Eurasian Integration: Problems and Prospects. *RUDN Newsletters. Series: Politicalology*. 2016;1: 7-15. (In Russ.)
12. Dugin A. Eurasian revenge of Russia. Moscow: Liters; 2017. 280 p. (In Russ.)

.....
 Статья получена 28.04.2018
 Received 28.04.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мирлан М. Нуртазин, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2; mirlannurtazin@gmail.com

Mirlan M. Nurtazin, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, 119992, Russia; mirlannurtazin@gmail.com

Социально-исторический феномен повстанческого движения в Крыму: 1923 год

Андрей В. Ишин

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
doctorvy4eslavovi4@mail.ru*

Аннотация: исследуют рецидивы повстанческого антибольшевистского движения в Крыму, имевшие место в 1923 году. При этом автор опирается преимущественно на выявленные в фондах Государственного архива Республики Крым оперативные материалы Частей особого назначения Крыма, которые имели гриф секретности, предназначались для узкого круга лиц, принимавших решения. По этой причине эти источники вполне оправданно вызывают доверие исследователей.

Автор приходит к выводу, что по сравнению с 1921–1922 годами, действия вооруженных повстанческих отрядов носили эпизодический, нерегулярный характер. Не имея опоры на широкие социальные слои, их руководители могли рассчитывать в основном лишь на немногочисленных уцелевших представителей белого офицерства, на незначительную часть крестьянства и уголовников, преимущественно руководствовавшихся целью личной наживы. Применительно к 1923 году мы уже не можем говорить о сколько-нибудь широком антибольшевистском движении, а, скорее, об отдельных случаях вооруженной борьбы. Примечательно, что при этом в оперативных материалах ЧОН фиксируется высокая мобильность групп «зеленых», стремление ряда «бандитов» покинуть пределы Крыма.

Рассматривая политическую ситуацию в Крыму в данный период, немаловажно учитывать и то обстоятельство, что на полуострове в это время активно работали эмиссары британской и германской разведок, то есть тех сил, которые ранее приложили немалые усилия для свержения монархии и развязывания Гражданской войны на пространстве Российской империи. Не вызывает сомнений, что образование Крымской АССР в составе советской России в ноябре 1921 года, а также создание нового мощного государства СССР со своим социальным проектом в декабре 1922 года отнюдь не входило в их планы. Поэтому западные оппоненты пытались использовать инерцию Гражданской войны для дестабилизации одного из ключевых регионов РСФСР.

Ключевые слова: Гражданская война, Части особого назначения Крыма, повстанческое движение, «политический бандитизм»

Для цитирования: Ишин А.В. Социально-исторический феномен повстанческого движения в Крыму: 1923 год. Проблемы постсоветского пространства. 2018;5(2):203–209.
<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-203-209>

The Social-Historical Phenomenon of Insurgent Motion is in Crimea: 1923 year

Andrey V. Ishin

*Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia,
doctorvy4eslavovi4@mail.ru*

Abstract: an author probes the relapses of insurgent antibolshevist motion in Crimea, taking place in 1923. At he leans mainly against exposed in the funds of the Record office of Republic Crimea operative materials of Parts of the special setting of Crimea, which had vulture of secrecy, targeted at the narrow circle of persons, making decision. On this account these sources cause the trust of researchers fully justified.

An author comes to the conclusion, that as compared to 1921–1922, the actions of the armed insurgent detachments carried episodic, irregular character. Not having support on wide social layers, their leaders could count mainly only on the not numerous survivor representatives of white officer, on insignificant part of peasantry and criminals, mainly followings the purpose of the personal making money. In regard to 1923 we already can not talk about any wide antibolshevist motion, and, rather, about the separate cases of the armed fight. Notably, that here in operative materials of Parts of the special setting high mobility of groups is fixed «green», aspiration of row of «gangsters» to abandon the limits of Crimea.

Examining a political situation in Crimea in this period, it is not unimportant to take into account a that circumstance, that on a peninsula at this time the emissaries of Britannic and German secret services worked actively, that those forces which before made considerable pushes for the overthrow of monarchy and untiing of Civil war on space of the Russian empire. Does not cause doubts, that formation of Crimean ASSR in composition soviet Russia in November, 1921, and also creation of the new powerful state the USSR with the social project in December, 1922, was not at all included in their plans. Therefore western opponents tried to use inertia of Civil war for destabilization of one of key regions of RSFSR.

Keywords: Civil war, Parts of the special setting of Crimea, insurgent motion, «political gangsterism»

For citation: Ishin A.V. The Social-Historical Phenomenon of Insurgent Motion is in Crimea: 1923 year. Post-Soviet Issues. 2018;5(2):203–209. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-2-203-209>

ВВЕДЕНИЕ

В ряде наших предыдущих работ мы подробно анализировали проблему генезиса и эволюции вооруженного конфликта в Крыму между «военно-революционными» структурами, утверждавшими на полуострове

большевистскую модель Советской власти и их противниками. Этот конфликт, развивавшийся уже после «официального» завершения Гражданской войны в ноябре 1920 года [1], имел свои предпосылки [2], причинно-следственные особенности [3],

внутреннюю логику [4], динамику [5], особое значение в истории России советского периода [6; 7; 8].

Опираясь на архивные источники, мы пришли к заключению, что в развитии антибольшевистского повстанческого движения в Крыму, именуемого в документах советских учреждений движением «бело-зеленых», можно выделить два основных этапа: 1) начало декабря 1920 года – конец июля 1921 года и 2) начало сентября 1921 года – конец 1922 года. Именно к концу второго этапа с организованным движением «бело-зеленых» на полуострове в целом было покончено, хотя рецидивы его отмечались и позднее.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящей статьи является анализ рецидивов повстанческого движения, имевших место в 1923 году. При этом мы опирались преимущественно на выявленные нами в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК) оперативные материалы Частей особого назначения (ЧОН) Крыма, имевших гриф секретности, предназначавшиеся для узкого круга лиц, принимавших решения, и потому вполне оправданно вызывающих доверие исследователей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первой половине 1923 года отмечалось известное затишье в вооруженном противоборстве специальных органов Крымской АССР, с одной стороны, и повстанческих групп, с другой.

Относительное спокойствие было нарушено только в мае 1923 года, когда в отчетных материалах ЧОН были зафиксированы случаи нападений на батареи, а именно, 12 и 13 мая на участке второй роты 23 пограничного батальона в районе города Севастополя [9].

Примечательно, что в это же время, в ночь на 15 мая, по Севастополю были расклеены многочисленные листовки, в которых содержались призывы к населению Крыма встать на борьбу большевизмом: «Проснитесь, русские люди. Сбросьте с себя проклятое ярмо» [10].

Подобные факты вызвали крайнюю обеспокоенность советских специальных учреждений. Так, начальник Севастопольского окружного отдела Крымского политического управления (КПУ) Дагин в секретном письме к руководству «военно-революционных» органов города, в частности, командиру батальона ЧОН, писал: «Контрреволюция несомненно имеет в виду использовать момент наших международных трений. Необходимо усилить бдительность Ваших подчиненных, коим следует растолковать значение настоящего воззвания и принять все зависящие от Вас меры для выявления лиц, имеющих отношение к настоящему воззванию» [11].

Дальнейшие события показали, что подобные опасения имели под собой веские основания. В июне 1923 года со стороны «бело-зеленых» были продолжены нападения на воинские заставы и патрули.

9 июня в Севастопольском районе вблизи деревни Андреевка тремя неизвестными был ранен пограничник во время патрулирования своего участка [12]. 23 июня в районе мыса Ай-я неизвестные с криком: «Сдавайся нам!» – открыли огонь по патрулю. Позже патруль был обстрелян еще одним неизвестным [13]. 31 июня в районе заставы «Отузы» группой неизвестной численности и вооружения был обстрелян автомобиль феодосийского окружного военного комиссара [14].

В июле, согласно данным штаба войск Крымского политического управления, в районе деревни Тана-Гельды (к востоку от Карасубазара — ныне г. Белогорск) по-

явилась вооруженная группа в 5-6 человек верховых, которыми был обстрелян автомобиль в районе Топловского монастыря. В оперативной сводке штаба ЧОН Крыма сообщалось, что в своем составе группа имеет «двух офицеров, имеет связи и получает продукты от местных жителей» [15]. В районе Топловского монастыря действовала также группа из 8-12 человек, вооруженных винтовками и наганами, совершавшая многочисленные ограбления проезжавших. Примечательно, что один из участников указанной группы, некто Попов, именовал себя «командиром зеленых» [16].

Осенью 1923 года в оперативных материалах ЧОН была зафиксирована активная деятельность вооруженных антисоветских групп, подъем «политического бандитизма». Так, в месячной оперативной сводке третьей отдельной Ялтинской роты ЧОН Крыма за сентябрь отмечены случаи убийств советских работников, порчи государственных сооружений. В этой связи немаловажно отметить, что, согласно тем же данным, из Турции прибывали агенты «белогвардейских врангелевских организаций», занимавшихся антисоветской агитацией, вербовкой населения, формированием повстанческих отрядов [17]. 25 сентября в районе Гурзуфа между бойцами ЧОН и участниками белогвардейской организации произошел бой, при этом обе стороны понесли потери [18].

В сентябре 1923 года похожая ситуация сложилась также в Джанкойском округе. Об этом свидетельствует разведывательная сводка, составленная по совокупным данным ЧОН, ГПУ и РККА. В сводке сообщалось, что «некоторые банды имеют связи с белогвардейскими организациями и под видом уголовщины служат проводником в жизнь контрреволюционных замыслов» [19].

В Армянском районе действовала группа под руководством полковника Воина, насчи-

тывавшая 30 штыков, 8 сабель, 2 тяжелых и легких пулемета. 10 сентября указанной группой был произведен налет на Армянский Базар (неподалеку от Перекопа) [20].

В циркулярном письме командующего ЧОН Крыма Лимберга командирам своих подразделений от 24 ноября 1923 года отмечалось, что «не смотря на энергичную и упорную борьбу органов ГПУ, милиции и РККА с бандитизмом на территории Крыма, последний продолжает выявлять активную деятельность,нося не только уголовный и грабительский, но иногда и **политический характер**. Такое состояние не только отражается на нормальном ходе внутренней жизни Крыма и создает постоянную напряженность со стороны советских органов и местного населения, но и недопустимо в связи с настоящим политическим моментом, а потому имеющийся до сего времени на территории Крыма <...> бандитизм должен быть искоренен самыми решительными средствами и в кратчайший срок» [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя специфику действий групп «бело-зеленых» в 1923 году, следует отметить, что по сравнению с 1921–1922 годами, они носили эпизодический, нерегулярный характер. Не имея опоры на широкие социальные слои, руководители повстанческих отрядов могли рассчитывать в основном лишь на немногочисленных уцелевших представителей белого офицерства, на незначительную часть крестьянства и уголовников, преимущественно руководствовавшихся целью личной наживы. В отношении 1923 года мы уже не можем говорить о сколько-нибудь широком антибольшевистском движении (что имело место в 1921–1922 годах), а, скорее, об отдельных случаях вооруженной борьбы. Примечательно, что при этом в опе-

ративных материалах ЧОН фиксируется высокая мобильность групп «зеленых», стремление ряда «бандитов» покинуть пределы Крыма [22].

Примечательно также, что в следующем, 1924 году в материалах ЧОН уже не фиксируются случаи проявления активности «бело-зеленых» [23].

Рассматриваемый период характеризуется не только фрагментарностью «политического бандитизма» в Крыму. В это время отмечается тенденция к известной активизации антибольшевистского подполья, причем при активном участии заграницы.

Так, еще в 1922 году в Карасубазарском (ныне Белогорском — А.И.) районе была образована подпольная группа «Двуглавый Орел». Ее руководящее ядро составили скрывавшиеся белые офицеры, а главным организатором и руководителем был граф Корвин-Весельский. Целью этой подпольной группы была подготовка вооруженного восстания. Организация «Двуглавый Орел» была тесно связана с повстанческими отрядами «бело-зеленых», которые возглавлялись поручиком Алешиным (он же Фролов) [24] и Островским. Подпольная группа снабжала эти отряды оружием и продовольствием.

В начале 1923 года органы ГПУ ликвидировали «Двуглавый Орел», но части руководящего состава удалось скрыться и войти в монархическую организацию, образованную в 1923 году и именовавшуюся «Штабом крестьянских объединений». Возглавил последнюю болгарский офицер П. И. Доков (он же П. Х. Кебаджиев). До-

ков рекомендовал себя в качестве командированного для работы среди болгарского населения Крыма. В результате энергичной работы ему удалось вовлечь в ряды организации ряд офицеров, бывших помещиков, представителей сельской интеллигенции и зажиточного крестьянства.

«Штаб крестьянских объединений» имел свои отделения во многих районах Крыма. В Старо-Крымском и Феодосийском районах в пользу организации зажиточные крестьяне вносили специальные налоги, предоставляли лошадей. Подготовив значительную материальную базу, эта подпольная группа приступила к налаживанию террористической работы, подготовке «хлебных налетов» и была ликвидирована в 1924 году [25].

Рассматривая политическую ситуацию в Крыму в данный период, немаловажно учитывать и то обстоятельство, что на полуострове в это время активно работали эмиссары британской и германской разведок [26], то есть тех сил, которые ранее приложили немалые усилия для свержения монархии и развязывания Гражданской войны на пространстве Российской империи. Не вызывает сомнений, что образование Крымской АССР в составе советской России в ноябре 1921 года, а также создание нового мощного государства СССР со своим социальным проектом в декабре 1922 года отнюдь не входило в их планы. Поэтому западные оппоненты пытались использовать инерцию Гражданской войны для дестабилизации одного из ключевых регионов РСФСР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ишин А. В., Филимонов С. Б. Крым в годы революции и Гражданской войны (1917 – 1920 гг.). *Электронный научно-образовательный журнал История*. 2017;12:12.
2. Лавров В. В., Ишин А. В. В. И. Вернадский и Таврический университет. *Крымский архив*. 2000;6:182-208.

3. Ишин А. В. Красный террор в Крыму в 1920 – 1921 гг. и его последствия. *Культура народов Причерноморья*. 1997;7:112.
4. Ишин А. В. Крым в 1921–1941 гг. *Электронный научно-образовательный журнал История*. 2017;12:13.
5. Ишин А. В. К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов. *Историческое наследие Крыма*. 2004;5:45-57.
6. Ишин А. В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917 – 1922 годах. Симферополь: ИТ «АРИАЛ»; 2012. 384 с.
7. Ишин А. В. О научно-теоретических константах изучения революции и Гражданской войны в Крыму: сб. ст. по матер. XLI конференции «Международные научные чтения» (Симферополь, 2017 г.). Симферополь: Таврия; 2017. С. 16-18.
8. Ишин А. В. О научно-теоретическом измерении истории революционных потрясений в России (к 100-летию Февраля и Октября 1917 г.). *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(2):118-125.
9. Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК). Фонд Р-3285. Опись 1. Дело 507. Лист 70-70 оборот.
10. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 36-37.
11. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 36.
12. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 1. Д. 507. Л. 98 об.
13. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 1. Д. 507. Л. 99.
14. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 1. Д. 507. Л. 111.
15. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 1. Д. 507. Л. 111 об.-112.
16. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 52.
17. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 69.
18. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 69.
19. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 71 об.
20. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 71 об.
21. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 76.
22. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 2. Д. 91. Л. 71 об.
23. ГА РК. Ф. Р-3285. Оп. 1. Д. 663; ГАРК. Ф. Р-3285. Оп. 1. Д. 667.
24. ГА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 96 об.
25. Красный Крым. 1925. 24 февраля; Красный Крым. 1927. 18 декабря.
26. Орлов Г. С. Тревожные будни: Очерки о чекистах. Симферополь: Таврия; 1987. 192 с.

REFERENCES

1. Ishin A.V., Filimonov S.B. Crimea in the Years of Revolution and Civil War (1917 – 1920). *An Electronic Scientific-Educational Magazine is History*. 2017;12:12. (In Russ.)
2. Lavrov V.V., Ishin A.V. V.I. Vernadskiy and Tavricheskiy university. *Crimean Archive*. 2000;6:182-208. (In Russ.)
3. Ishin A.V. Red Terror in Crimea in 1920 – 1921 and Its Consequences. *Culture of People of Black Sea Region*. 1997;7:112. (In Russ.)
4. Ishin A.V. There is Crimea in 1921 – 1941. *An Electronic Scientific-Educational Magazine is History*. 2017;12:13. (In Russ.)
5. Ishin A.V. To the Question About the Features of Political Development of Crimea in the First Half of 1920th. *Historical Legacy of Crimea*. 2004;5:45-57. (In Russ.)
6. Ishin A.V. Problems of State Building in Crimea in 1917 – 1922. Simferopol: IT «ARIAL»; 2012. 384 p. (In Russ.)
7. Ishin A.V. About the Scientific-Theoretical Constants of Study of Revolution and Civil War in Crimea: Collection of Materials of XLI Conference «The International Scientific Reading» (Simferopol, 2017). Simferopol: Tavrij; 2017. P. 16-18. (In Russ.)
8. Ishin A.V. About the Scientific-Theoretical Measuring of History of Revolutionary Shocks in Russia (to the 100 year of February and October, 1917). *Post-Soviet Issues*. 2017;4(2):118-125. (In Russ.)
9. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 1. File 507. Sheet 70-70 turn. (In Russ.)

10. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 2. File 91. Sheet 36-37. (In Russ.)
 11. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 2. File 91. Sheet 36. (In Russ.)
 12. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 1. File 507. Sheet 98 turn. (In Russ.)
 13. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 1. File 507. Sheet 99. (In Russ.)
 14. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 1. File 507. Sheet 111. (In Russ.)
 15. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 1. File 507. Sheet 111 turn -112. (In Russ.)
 16. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 2. File 91. Sheet 52. (In Russ.)
 17. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 2. File 91. Sheet 69. (In Russ.)
 18. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 2. File 91. Sheet 69. (In Russ.)
 19. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 2. File 91. Sheet 71 turn. (In Russ.)
 20. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 2. File 91. Sheet 71 turn. (In Russ.)
 21. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 2. File 91. Sheet 76. (In Russ.)
 22. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 2. File 91. Sheet 71 turn. (In Russ.)
 23. Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 1. File 663; (In Russ.) Record Office of Republic Crimea. Fund R-3285. Inventory 1. File 667. (In Russ.)
 24. Record Office of Republic Crimea. Fund 1. Inventory 1. File. 69. Sheet 96 turn. (In Russ.)
 25. Red Crimea. 1925. 24 on February; Red Crimea. 1927. 18 on December. (In Russ.)
 26. Orlov G.S. Anxious Week-days: Essays About the Officials of Cheka. Simferopol: Tavriya; 1987. 192 p. (In Russ.)
-
Статья получена 26.03.2018
Received 26.03.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей В. Ишин, Доктор исторических наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4;
doctorvy4eslavovi4@mail.ru

Andrey V. Ishin, Doctor of Historical Sciences, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea;
doctorvy4eslavovi4@mail.ru

